

МУЗЫКАЛЬНЫЙ И ТЕАТРАЛЬНЫЙ

ВЪ С Т Н И КЪ Т Ъ .

№ 28
ВТОРЫЙ.

№ 28.

21 ЮЛЯ 1857.

Выходить одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ). Цѣна 10 руб. сереб. въ годъ съ доставкой на домъ; загородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп.

Подписка принимается: въ Редакціи Журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, въ Офицерской улицѣ, близъ Большаго Театра, въ домѣ Китнера кв. № 33; въ книжныхъ магазинахъ П. Ратькова, Смирдина, Вазунова, Вольфа и Давыдова; въ Москвѣ, въ музыкальномъ магазинѣ и въ книжномъ Вазунова.

Къ 28-му номеру предлагается: Романсъ безъ словъ для фортепiano, соч. В. Брюгера.

Содержаніе: Разныя извѣстія (М. Р.). — Ожиданіиное изложеніе главныхъ основаній музыкальнаго искусства. — Бенефисъ. — Конференціондція изъ Кіева (Н. Чернышева). — Иностранный Выступакъ. — Замокъ Дезертъ. — Указаніе источниковъ для исторіи Русскаго Театра (Н. Геннади). — Комедія „Денежный вопросъ“ (А. Дюма).

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Бенефисъ гг. Пуньи и Александрова на Минеральныхъ водахъ привлекъ многочисленную публику. Въ особенности въ бенефисъ г. Пуньи, залъ и залъ были до того наполнены, что рѣшительно было тѣсно. Въ этотъ вечеръ г. Страусъ отдалъ въ г. Пуньи и оркестры подъ управленіемъ двухъ знаменитыхъ капельмейстеровъ произвели большой шумъ; бенефисомъ г. Александрова начались балы блестящихъ илюминацій и фейерверковъ. Дѣйствительно, залъ Минеральныхъ Водъ представлялъ необыкновенный видъ и по всей справедливости можно сказать, что у г. Александрова, при знаніи дѣла, много вкуса. Не обошлось тутъ впрямую и безъ софита изобретательнаго Ивана Ивановича Валеры опытности и вкуса котораго уже такъ давно оценены публикою. Мы слышали, что Иванъ Ивановичъ готовитъ еще много новаго, и удивлены, что слыши эти скоро оправдаются — хоть бы напри- мѣръ въ его бенефисѣ, который продвигается на-дняхъ, говорить о чемъ-то особенномъ; но пока это тайна Ивана Ивановича, большого охотника до сториризовъ. Поѣзжайте — увидите.

— И въ Виллѣ Боргозе все благополучно. Любимецъ нашъ, Иванъ Гунтъ все не перестаетъ приводить въ порядокъ многочисленныхъ своихъ поклонниковъ, мы со- вѣтовали бы ему только разнообразить по возможности программы исполняемыхъ имъ пьесъ; природа человѣческая ужъ такъ создана: давайте ей непременно новаго, какъ

бы имъ хорошо было старое. Хоръ выказъ производить рѣшительно фуроръ, въ особенности пламенный (какъ мы уже говорили) Катя и симпатичная Варя. Соколовъ, братъ знаменитаго Ивана, управляетъ хоромъ съ большимъ воодушевленіемъ и энергіею, и нельзя не согласиться, что это одинъ изъ лучшихъ хоромъ. Разумѣется пьсанъ, приводящихъ въ восторгъ извѣстныхъ только кружковъ ихъ поклонниковъ, а не вообще всѣхъ любителей музыки, для которыхъ цѣ- нно пьсанъ едва ли можетъ доставить истинное музыкаль- ное наслажденіе. Палюминаціи въ Виллѣ тоже устрои- ны очень мило и со вкусомъ; говорятъ, что и тамъ гото- вить много новостей; — постараемся узнать и тогда сообщимъ нашимъ читателямъ; пока мы получили достоверное сви- деніе, что знаменитый хоръ Липецкаго плацъ непременно прибудетъ въ концѣ будущей недѣли. Это будетъ весьма интересное явленіе въ нашемъ музыкальномъ мірѣ: — хоръ этотъ дѣйствительно славится за границей. Жаль, что не- много заоздалъ, но лучше поздно, чѣмъ никогда, meglio tardi che mai, какъ говорятъ Итальянцы: — будемъ же ожи- дать.

М. Р.

ОБЩЕПОЯТНОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ ГЛАВНЫХЪ ОСНОВАНІЙ МУЗЫКАЛЬНАГО ИСКУССТВА.

Глава VIII.

ОБЪ ИНСТРУМЕНТАХЪ.

Природа дала очень-различныя отбѣнки разныхъ тем- брамъ человеческого голоса, но искусство пошло еще далѣе въ видѣннѣ инструментовъ, которые, съ самаго начала, были устроены въ подражаніе этимъ голосамъ. Звукъ, какъ извѣстно, есть не что иное какъ дрожаніе физическаго тѣла, передаваемое и называемое воздушнѣмъ, но сколько видозмѣненій, сколько разнообразій замѣчается въ звукахъ! Какая разница между звукомъ колокола и звуками духовыхъ, клавиатурныхъ, смычковыхъ и т. д. инструментовъ! Нако- нецъ, въ каждомъ изъ этихъ отбѣловъ, сколько отбѣнковъ въ качествѣ звуковъ! — а между тѣмъ каждый день дѣла- ютъ еще новыя открытія, новыя усовершенствованія.

Самые древніе инструменты, упоминаемые исторіею, суть инструменты струнные, на которыхъ играютъ безъ смычка, а именно: лира, цитра и арфа. Памятники древно-сти представляютъ много образцовъ этихъ инструментовъ, но формы ихъ различны и отъъс.ловиваются различіемъ народовъ, которымъ они принадлежали: такъимъ образомъ, лиры и цитры принадлежатъ болышею частью Грекамъ, жителямъ Малой Азии и Римлянамъ; арфа повидимому составляетъ достояніе жителей верхней Азии, Египта и Северо Европы.

Греки приписывали изобрѣтеніе лиры Меркурію. Первоначально она имѣла всего три струны; впоследствии число струнъ постепенно увеличилось, но никогда не было болыше семъ; объемъ звуковъ лиры такъимъ образомъ былъ очень малъ, потому что у ней не было шнѣнки, какъ у нашихъ гитаръ, и она могла издавать всего только семъ различныхъ звуковъ. Отсюда же происходило то, что музыканты не могли измѣнить тона, не взявъ другой лиры. Лира имѣла несколько видовъ; на всѣхъ этихъ инструментахъ играли пальцами, но чаще еще посредствомъ особеннаго крючка, называвшагося *пектро*, что доказываетъ, между прочимъ, что одновременно можно было давать только одну струну.

Время и обстоятельства изобрѣтенія арфы неизвѣстны. Ее находятъ на самыхъ старинныхъ памятникахъ Индіи, Египта, у Евреевъ, въ Италіи, у Скандинавовъ, и въ древней Англіи, но трудно сказать, кто изъ этихъ народовъ заимствовалъ ее у другаго, или она была изобрѣтена одновременно всѣми. Употребленіе арфы у древнихъ народовъ Индіи и Египта заставляло предполагать, что Греки и Римляне также знали ее, но имъ ея не встрѣчается ни у одного изъ древнихъ писателей. Вообще полагаютъ, что *триопе* или *самбука* была не что иное, какъ арфа. Одинъ ученый комментаторъ сочиненій Каллимаха доказалъ, что всѣ инструменты съ косвыми струнами, каковыя: *паллау*, *бробстосъ*, *магара*, *пестерію*, *самбука*, упоминаемые въ древнихъ твореніяхъ, принадлежали къ роду арфъ и были финикійскаго, халдейскаго или сирійскаго происхожденія. Что касается до Римлянъ, то полагаютъ, что инструментъ, называемый нѣмъ *китара*, былъ не что иное какъ арфа и что или это есть переводъ слова: *китора* или *киниро*, которое, въ еврейскомъ текстѣ св. писанія, означаетъ арфу Давида. Сначала, число струнъ арфы было тридцать, но впоследствии оно возросло постепенно до двадцати и потомъ даже до сорока. Струны эти были коническыя, какъ то можно заключить по одной греческой сигнатурѣ. Древніе народы повидимому не знали ни стальныхъ, ни латуныхъ струнъ, но многіе авторы утверждаютъ, будто у нихъ употреблялись струны изъ яма, чему впрочемъ трудно повѣрить, потому что подобныя струны могутъ издавать только самый ничтожный, глухой звукъ.

Съ самаго начала, арфа не представляла никакого средства для модуляціи, потому что невозможно было на ней измѣнить столько струнъ, чтобы произвести всѣ звуки, изображаемые у насъ лезаніи и бемольми. Въ 1660 году, въ Туринѣ, придумали особенные крючки для возвышеній шнтонаціи струнъ, но необходимость употреблять руки для

перемѣненій этихъ крючковъ, сильно мѣшала игрѣ. Инструментальный мастеръ въ Донаубергѣ, по имени Хохбрунеръ, въ 1720 году, устранилъ это затрудненіе: въ его приспособленіи, движеніе производили ногами, и потому устройство его получило низшее *нода*. Хотя далеко не совершенныя, педальи всегдѣ были полезны, но затруднительность, къ которой долго не могли привыкнуть муче канти, служила болышимъ препятствіемъ для введенія педальей въ употребленіе. Во Франціи арфа сдѣлалась пѣвственною позже 1740 года; ее вѣсь одинъ французскій музыкантъ, по имени Штегъ, Хохбрунеръ, племянникъ изобрѣтателя педальей, и самъ по времени очень хороший артистъ, еще болѣе усовершенствовалъ арфу. Но окончательное совершенство арфѣ съ крючками было дано парижскимъ инструментальнымъ мастеромъ Паллариваномъ. Впрочемъ самое начало этого механизма было ошибочное и подвержено многимъ случайностямъ, что и заставило Совастьяна Брара измѣнить его другимъ механизмомъ, въ которомъ струна заставлялась педалью, не выходя изъ вертикальнаго положенія, какъ то было въ арфѣ съ крючками. Меліеусъ его изобрѣтенія побудилъ его впоследствии сдѣлать еще другое усовершенствованіе, а именно дать возможность каждой струнѣ издавать три звука, означаемые знаками: бемоль, боккеръ и диезъ, что производилось у него посредствомъ механизма съ двойными *пѣвженіемъ*. Въ настоящее время арфа представляется намъ въ наилучшемъ, возможномъ для нея видѣ, и трудно сказать, чего бы можно было еще пожелать.

И уже говоримъ, что Греки не знали струнныхъ инструментовъ съ шнѣнкою, на которой можно прижимать струны къ разнымъ мѣстамъ, съ цѣлію измѣнить ихъ шнтонацію; но египетскіе памятники представляютъ несколько образцовъ такихъ инструментовъ, и это заставляло предполагать, что Египтяне были довольно далеко въ музыкальномъ искусствѣ. Начало струнныхъ инструментовъ съ шнѣнкою, на которыхъ играли положенно пальцемъ, безъ смычка, находится повидимому на Востокѣ. Индійскія *вина*, состоящая изъ *самбуковаго* тѣла, прикрѣпленнаго къ двумъ болышимъ тѣламъ, и съ многими струнами, которыя нагибаются на кобылки посредствомъ палочки, кажется, можетъ служить типомъ этихъ инструментовъ; но *судо* или *сониа* Арабовъ, перенесенныя въ Европу Испанскими Морраны, преимущественно послужили моделью для такого рода инструментовъ, потому что всѣ они по болѣе какъ, ея вилонзѣнныя.

Корнуецъ, имѣющій выпуклый шнзу и съ плоскимъ верхомъ, имѣетъ широкую пѣину съ десятию отдѣленіями для помѣщенія пальцевъ съ цѣлію измѣнить шнтонаціи. На шнѣнѣ находится одиннадцатъ струнъ, изъ которыхъ девять—двойныя, три—съ унисономъ, и шесть—октавными. Первыя двѣ, называемыя (*chanterelles*), простыя. На этомъ инструментѣ очень трудно играть и надо долго учиться. Въ прежнее время онъ былъ въ болышомъ употребленіи; въ XVII вѣкѣ прибрѣли особенную знаменитость три виртуоза на шнѣнѣ: Везартъ, въ Германіи, и два французскіе музыканта по имени Готье. Изъ слова *luth* (колыта) произошло *luthier*

(лютенщик), означавшее сначала мастеров, занимавшихся изготовлением лютеи, но потом примененное ко всем мастерам струнных инструментов и даже духовых.

Другой вид лютеи, гораздо больших размеров и с большим числом струн, назывался *архилоутом*. Из всех инструментов этого рода, она имела самый сильный звук, но чрезвычайная ширина ее шейки составляла большое неудобство для игры и потому она вышла из употребления.

Теора была также вид лютеи с двумя параллельными шейками, соединенными скобою; меньшая из них была такой же, как и у лютеи, и имела столько же струн, но вторая, гораздо больших размеров, имела на себе восемь остальных струн, служивших для баса.

Два других вида лютеи были в большом употреблении в начале XVIII столетия. Первый из этих инструментов назывался *рандоре* (бандура); он имел столько же струн, как лютея, и строился таким же образом, но струны были не металлические, а металлические. Другая разновидность заключалась также в форме: низшая сторона *рандори* была не выпуклая, а плоская. Другой вид назывался *мандале* (тоже бандура); он имел всего четыре струны. Иногда высшую струну, или квинту, заменяли на одну тонку, чтобы получить другие аккорды: это называлось играть *à corde ouverte*. Эти два вида лютеи уже давно вышли из употребления.

Наконец есть еще один маленький инструмент, принадлежавший к разряду лютеи и называемый *мандолина*. Корпус ее также закруглен, как у лютеи, но ручка ближе подходит к гитарной, о которой и еще буду говорить. Мандолину держат ладною рукою и играют помощию пера, которое держится концами большого и указательного пальцев, при чем последний должен быть всегда под первым и несколько не сдвигивать пера. Четыре струны этого инструмента настраиваются в унисон со струнами скрипки. В Италии есть мандолины с тремя струнами, а другие с пятью, акорды которых изменяются по виле мастера. *Salsicione* или *colicione* (каляционе), маленький инструмент, с очень длиною шейкою, употребляемый Неаполитанами, есть также обыкновенный вид манголины и он нем играет также посредством пера. Обыкновенно он имеет три струны, но иногда и пять.

Все эти виды лютеи давно уже вышли из европейской музыки и употребляются только на Востоке, где играют большую роль в концертах. В XVI и XVII столетиях, лютея занимала первое место в *musica da camera*, т. е. в комнатных концертах, и служила для аккомпанирования, тогда иван задригивал, видалевал, заставлял и др. вещи. Все концерты, изображенные на картинках Тинтина и других старинных живописцев итальянской школы, представляют в сбирании лютеи, с различными лютеями в руках. Хотя мы не слышим сильного звука, однако так же не менее употреблялись в оркестре при представлении опер, когда этот род музыки начинал только входить в употребление. Примеры того можно видеть в музы-

кальной драме: *Il S. Alessio*, соч. Стюана Лонди, представленной в 1634 году. Инструменты, употребляемые в этом сочинении, были трех родов: скрипки, арфы, лютея, теорбы, виолончели и кларесины для непрерывного баса. Подобный оркестр показан бы теперь неравномерно слабым, но наизрядно прозвучит бы оригинальный ансамбль.

Гитара пошлому родом из Испании, хотя и встречается в некоторых странах Африки. Она известна во Франции от XI века; в то время ее называли *guitarne* (гитрой). Эта гитра единственная из струнных инструментов, с шейкою и на которой играют, пальцами, сохранившийся в употреблении. Известно, что корпус гитары, состоящий с обеих сторон; на ней имеет струн, а шейка разделяет на отабли паклевыми очень узкими планками. Искусство играть на гитаре выходит теперь на высшей степени совершенства; в последнее время, гг. Сорь, Фара, Фурта, Карден и некоторые другие употребляли ее для камерной музыки и исполняли очень сложные вещи, но в Испании, родной гитары, она служит только для аккомпанирования *boleros*, *trancas* и других национальных вещей, и играющие на ней — играют нечужд, но истинно ударно по струнам или сбывая поимью оборотов струны.

(Продолжение впереди).

БЕРАЖЕ.

Вл. Парфак скончался недавно известный поэт Бераже. Жюль Жаненг послал в память и произвел нам Бераже и такую статью. Выписываем эту занимательную статью из газеты *Patrie*:

«Литература и поэзия понесли у нас в короткое время несколько незаметных потерь: в короткое время мы лишились Шатобрлана, Ламенне, Бальзака, два месяца тому назад проводил в последнее жилище Альфреда деМюссе, умершего в шесть лет и двенадцати, теперь снова он закончил бы не только, но самого популярного, самого любимого поэта, который и продолжение своих книг бы возмущал и угнетал французскую нацию. Бераже не стало! — Он умер, не крестно оплакиваемый друзьями и народом, не переставая писать, всевозможными почестями своему любимому делу. Бераже сказал в посланном своем предисловии, обращаясь к некрологу и этюда: «О, мои дорогие дочери, как в намь облают!» Он в самом деле был им обязан своим именем, славою, угнетал в любви. Его *дорогая дочь*, могущество которых были противостоит, было: поэзия и свобода, молчаливость и острый ум, шрифт в любви!

«Смерть Бераже, хотя предвиденная, означала всю Францию, когда достигли надежда на издание некрола. Его горько оплакивают, зовут: слава Бераже высоко поднимал и терпел в облаках, и сами защищают и ищут его своими благодетельными лаврами. Счастья и благодарны ибем! он никогда не составится и вечно останется навсегда всех возрастов, он заставляет

бѣдняка забывать, нищету, богатаго побуждаютъ къ благотворительности! Съ иѣсными Беранже иице забываютъ голы, богатые дѣлаются веселѣе за роскошными столомъ!

«Онъ увлекаетъ насъ въ хороши! Чтобы, достойно восхвалять ихъ, должно вспомнить всѣми Горации или всесилья пунки Катона. «Я простой иѣсенникъ!» говорилъ Беранже, и говорить правду. Онъ хорошо зналъ иѣтъ грустные и веселые шаглы челоуѣческой жизни! Онъ послышалъ любовь и славу, Лизету и побѣду! Онъ понималъ и любилъ все доброе, великое, достойное, быть другомъ всѣхъ благородныхъ сердецъ и поставилъ себя высково въ глазахъ каждаго своей философией, несеметью и скромностью. Его нельзя сравнить ни съ Анакреономъ, ни съ Горациемъ и началъ съ Овидія, Лафара, Шалле, до самого Вольтера (похвала велика!), у этого всемогущаго чародѣя не было совершенствъ.

«Беранже оставилъ всегда первымъ ни, облаги поэзии, гдѣ труды, несчастіе, слава, жизнь, смерти, молодость и любовь проложили себѣ столько дорогъ и тропинокъ. Солгать илеть на войну, написать пѣсни Беранже, влюбленный вѣнштываетъ ихъ чуть слышно своей красавицѣ, путешественникъ передаетъ ихъ изгнаннику, и изгнанникъ, мастоуѣтъ, посещенуя облаку, звездамъ небеснымъ! Какую душу въ молодости не поповала эти мелодіи. Пѣсь Беранже облегчала работу земледѣльца и улаждала его слухъ зимой у горничной очага. Она была адеией и застольной пѣсней, еренадой и молитвой, сатирой и комедией. Этотъ челоуѣкъ былъ достоинъ слезъ и рыданій всѣхъ знавшихъ его, онъ принадлежалъ иѣтъ и въ еднородную ошадколю. Самъ Шатобрианъ при коуѣ жизни въ послѣднихъ годахъ спомыхъ Занискоуѣ, признавалъ Беранже въ свидѣтели своей изѣтвенности и гордился его дружбою «Нѣтъ ничего удивительнаго, говоритъ Тэнитъ объ Агриколѣ, что всѣ оваривали другъ у друга этого челоуѣка!» — Также самое можно сказать о Беранже.

«Немного знаменитый люли при жизни пользовалсястакую извѣстностью и славой какъ Беранже. Его популярности была необыкновенна. Онъ былъ добръ, великодушень и вѣрнъ до такой степени спомнъ, друзьямъ, что ииногда не переставалъ любить тѣхъ, кого разъ полюбить. Благотворительности его не было границъ, безыскусствѣ также было рѣшкое. Теперь когда его не стало, каждый день узнають новыя благодинія этого достойнаго челоуѣка, который могъ сказать, подобно Аристину: «Я ииногда никому не служилъ!»

«Благородному поэту, уважаемому, восхваляемому, любимому, все удавалось: онъ пѣлъ счастье слышать, умирая, похвалы и удивленіе своему таланту. Два года тому ииавалъ, ииоторые писатели, въ иилу густой заиеси и непостыжлагаго безумія, очеркиш параднаго поэта: еперва ииото не обратилъ вниманія на эти ловитвы шуглы, но когда удостоверились, что ииеню Беранже, благородный, прерасный Беранже, былъ оскорбленъ, — въестренились. То было не ииѣтъ, не злоба, а скорбь, глубокая, тѣжная скорбь объ оубыденномъ поэтѣ. Какъ! слышалось отиесоду, — уничтожить нашего Беранже, оскорбить его почтенную старость,

такъ, скоро забыть его дивныя произведеиія, его доброту, сираведливостъ, его признаніе къ ииетымъ почестямъ! — Узианленіе и скорбь были сильны. Однѣ только челоуѣкъ негалса еинокент и равнодушенъ, посреди общаго негодованія, — самъ Беранже. Онъ не понималъ этого глѣна; общее уваженіе было ему дороже всѣхъ похвалъ въ мѣрѣ.

«Но придетъ еще время, когда удолитру равенствъ и клеветы; подождемъ спокойно, чтобы враги сираведливо, отъ души ошадколю Беранже, а до тѣхъ поръ намъ остается грустить и оплакивать его. Его ужъ иѣтъ вѣрнаго товарища нашихъ несельныхъ шуршескъ, шогличскихъ признаний; онъ былъ истиный Французъ въ думѣ, который понималъ Пиндара, Овидія, Горации и Катюла.

«Пѣсь Беранже до 1830 года в былу крикомъ войны, послѣ 1830 застольной пѣней и наконецъ воспѣла Лизету, мадамъ Грегуаръ, la Féridouaine, Фортуну, Жаннетонъ и пр. Въ этихъ пѣсняхъ слышалась радость, любовь, празднокъ, любовный шаглы...

«Одно только погOMETBO ииѣтъ право судить, перечитывать, поирапалтъ, забывать; оно выбираетъ негта иѣру и хорошо; погOMETBO пришло похъ свою защиту Анакреона, Пиндара, Горации, Вергилиа, оно не уничтожило элиграмъ Марциала, выбрало въ Овидіи... «et erat quod tollere velles.» Надобно было вычеркнуть ииоторыя мѣста, говорить одель учебный критикъ, и ничего не вычеркнулъ, полагаюся на здравый смыслъ спомыхъ собраний.

Поэтъ, оплакиваемый нами, обладалъ разумомъ, дравыми смысломъ и добротой. «Сираведливую люли негда кротки!» сказалъ Гомеръ, а азъ ииѣтъ Сократъ. Беранже былъ сираведливъ, кротокъ и совершенно равнодушенъ къ богатству и богатету. Въ грустные времена, когда его притѣсняли, онъ ииногда не отвѣчалъ оскорбленіемъ на оскорбленіе, а металъ одной улыбокѣ. Когда гробъ его несли на горолу, каждаму немало приходили на память лучише его стихи:

Amis du vin, de la gloire et des belles,
Daignez sourire aux chansons d'un vieillard.
J'ai chanté l'amoureux délire,
Le vin, la France et ses hauts faits

говорили старики, смотря на брѣвныя останки достойнаго сподвижника ихъ лучшихъ годовъ. Молодые люли вспоминали *Портнаю и волчищину*:

Mon cher grand-père, accourant à mes pleurs,
Me trouve un jour dans les bras d'une fée...
Et cette fée, avec ses yeux refrains,
Calma le cri de mes premiers chagrins...

Написанъ въ томъ же прозотавиеніи бѣдняки, которые наиввалъ пѣсь гутки со слезами на глазахъ:

Voilà, c'est avoir,
Vie errante
Est chose envrante!

Передъ смертію поэтъ роздалъ почти всѣ деньги, назначенныя на похороны, друзья вырыли ему могилу и отдали послѣдній долтъ. Мы проводили его на кладбище Огюа Лаиеса и со слезами опустили въ землю!..

Послѣ Беранже остается множество неизданныхъ пѣсепъ, вѣроятно незамѣлять ихъ скоро начеатъ. Похъ конецъ своей жизни Беранже сильно полюбилъ Алевсандра Дюа сына. Авторъ комедіи *le Demi Monde* и со-

чинители пьесовъ называли другъ друга *отцомъ и сыномъ*. Какъ прегателни были эта дружба между престарѣлымъ поэтомъ и молодымъ человекомъ уже сдѣлавшимъ имянитыя! Напомнилъ г. Дюма слова Горация къ Виргилію, когда онъ потерялъ бѣлаго друга поэта Коинтія:

Molna ille bonis Neville occidit,
Nulli Neville quam mihi....

Однажды Беранже обратился съ просьбой къ своему молодому другу: «Не можете ли вы, сказавъ оны, хлопотать въ министерствѣ выданный заказъ одному артисту, дѣло идетъ о 500 франковъ.»

Дюма отравился къ Фульду и представляя своего protégé, прибавилъ, что дѣйствию по просьбѣ Беранже. При этомъ ишеи министръ тотчасъ же удовольи назначенную сумму. Поэтъ никогда не былъ на сторонѣ вышшаго правительства и несмотря на свою бѣдность отказывался отъ помощи. Чгобъ не оскорбилъ его гордости, ему помогали тайно. У Беранже не было другихъ доходовъ, какъ его пѣсни, и въ послѣднее время раскупились олохо. Г. Перротень, его другъ и издатель, получивъ однажды ленту, назначенную Беранже, о которыхъ тотъ не долженъ былъ знать. Г. Перротень объявилъ поэту, что распродали множество экземпляровъ его пьесъ, Беранже похриль и былъ обязанъ споконствіемъ послѣднихъ дней этому неожиданному благодѣлю, отъ котораго непременно бы отказался, еслибъ узналъ имя благодѣтеля.»

Въ восторженной статьѣ Жюли Дюшена прибавилъ еще нѣсколько словъ о французскомъ поэтѣ, вышедшихъ также изъ газеты *Paris*. Беранже родился въ Парижѣ 7-го августа 1780 года; дѣду его была португой, въ его матерской кровли дѣтство будущаго поэта. Онъ воспитывался въ Патриотическомъ институтѣ въ Пероши; и тамъ-то обнаружилось рѣдкое дарованіе, прославившее его впоследствии. Прихавъ въ Парижъ, Беранже мало-по-малу сдѣлался извѣстенъ и скоро ие было мальчика въ Парижѣ и его окрестностяхъ, который бы не зналъ названу пѣсню. Беранже. Съ 1848 года онъ удалился къ Пюсен и жилъ тихого домашнего жизнью, занимаясь хозяйствомъ и цвѣтами, которые страстно любилъ. Большия его промывалась нѣсколько лѣтъ и наконецъ 16-го июля (и с.) вечеромъ онъ скончался. Въ день похоронъ все Парижъ собрался къ его дому. Ворота были покрыты чернымъ сукномъ, но-боказъ висѣли два вѣнка изъ импортелей. Бюсты Беранже и медали, выбиты въ честь его, пролагались по улицамъ; когда тронулся печальный похвалъ, толпа была такъ велика, что съ трудомъ можно было пройти лошадьми, великимъ погребальную колесницу; особенно были многочисленны рабочій классъ, проводившій гробъ до могилы. Въ парижские литераторы, артисты и многія вѣншія лица собрались отдать послѣдній долгъ умершему поэту. Церковь была обита черными, посреди стоялъ катафалкъ, усыпанный дорогими цвѣтами, — послѣдняя дань почитательной покойному. Беранже умеръ какъ истинный христіанинъ; за недѣлю до своей смерти онъ видѣлся каждый день съ своимъ духовникомъ, исповѣдался, причастился и тихо скончался на его рукахъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ КІЕВА.

II.

Вы ждете отъ меня о Кіевскомъ театрѣ, и я готовъ бы удовлетворить желанію М. и Т. Вѣстника, но на этотъ разъ, прежде нежели буду говорить объ ирѣ артеровъ, долженъ сказать нѣсколько словъ о кіевской публикѣ: именно, въ ней поразительно равнодушіе къ театру. Чѣмъ объяснить это равнодушіе къ отечественному искусству и искусству юнкъ и прелегъ? Положимъ, что населеніе Кіева состоитъ изъ Русскихъ, Польковъ, Немцевъ, а частью Французовъ, но у насъ театральная дирекція ставитъ на сцену и русскія и польскія пьесы, а театръ иеогни бывають пустехонекъ. Никому не жалко на зѣнанъ новѣ прощанъ, въ преферансъ или ералашъ 5 руб. сер. въ вечеръ, и болѣе, а для театра жалко пожертвованъ и полтора рубл. сер. Мнѣ кажется, это равнодушіе къ театру скорѣе надо объяснить неразвитіемъ въ обществѣ эстетическаго чувства, непониманіемъ назначенія театра, а частью тутъ есть вина и дирекціи, которая не слѣдуетъ за современной драматической литературой и ставить блаженной памяти проповеданія переполныя и оригинальныя Ободовскаго, или Каратыгина, Григорьева, или волевымъ Коронина и прочихъ писателей, итѣвшихъ когда-то эстетическую славу на драматическомъ поприщѣ. Еще можно бы было поизмыслить съ этимъ изданіемъ, если бы наша русская литература была была драматическимъ проповеданіемъ, а то посмотрите на петербургскіе и московскіе журналы—тамъ въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ напечатаны канцелярскія пьесы, въ коихъ преимущественно выведено на сцѣну воду взяточничества. Отчего эти пьесы не сыграть на Кіевскомъ театрѣ? Новость предмета, конечно, прилегла бы публикѣ въ театрѣ, а если и итѣ, то инокрайней ирѣ дирекція могла бы очистить себя отъ пѣсхъ упрековъ и отговорокъ публики, шюгла болѣе капризной, чѣмъ сочувствующей доброду дѣлу. Игра старыхъ иеиъ—это архивнаго хлама—время и для актеровъ: она не развиваетъ ихъ, а огавляетъ въ какомъ-го блаженномъ тихоеголии, отдѣляетъ китайской стѣной отъ современнаго искусства. Впрочемъ среди иеиской публики изаодятся и такіе, которые требуютъ, чгобъ иеирѣтншо играли пьесы иилзеи, графовъ и бароновъ, или илзе они не могутъ быть въ театрѣ. Въ Реншорѣ, Гоголя, но ихъ ииѣншо, много жирныхъ хѣбъ. У меня сохранился въ памяти, какъ однажды аматѣры давали благородный спектакль. Фанта былъ симпатъ аристократическимъ; въ ней ииѣншы были слѣдующія пьесы: «Комедія безъ названія» князя Кузюева, «Чинювскія» комед. графа Соловюга и «Блалъ Кимель» бар. Курта. Этой амлшей восхищаются болыишество, которое болѣе заиизала не илея произведенія; но ииѣншы авторы. Но, впрочемъ, не нахожу нужнымъ дѣло продолжать о равнодушнш кіевской публики къ театру; заключаю объ этомъ предметѣ лучше словами безсмертнаго Крылова:

Безъ эту можно бы и болшо поиниы,
Да чгобъ ииѣиъ не раздражины.

Однако скажемъ же мы лѣбъ, что такое театрѣ? Это по-преимуществу храмъ искусства, царство Аполлона. Иагда Музы въ встрѣчаются такъ дружно, не обнимаются

съ такою любовію и не дѣйствуютъ на другихъ съ такимъ могуществомъ, какъ въ театрѣ. Какія можно представить себѣ истинно-эстетическія наслажденія, которыхъ бы не могъ доставить намъ театрѣ. Хотите ли, чтобы ваше зрѣніе было очаровано *прекрасными живописцемъ*?—Театръ представляеть вамъ *прекрасныя декорации*, или живыя картины. Хотите ли наслаждаться гармоніей волшебныхъ звуковъ, которыми бы поражаюсь все, чѣмъ иногда такъ тщательно и страстно бѣгаетъ ваше сердце!—Театръ обладаетъ превосходнымъ оркестромъ, и нѣтъ такого художественнаго музыкальнаго произведенія, котораго бы онъ не выполнилъ для нашего наслажденія. Хотите ли видѣть зрѣлище чело-вѣческой жизни—художественное воспроизведеніе чело-вѣческихъ чувствъ, стремленій, характеровъ и дѣйствій,—коротко: хотите ли поэзію?—Самый высшій, самый полнѣйшій роль ея—драматическій—создается для сцены и живетъ сценою. Можно даже сказать, хотя не въ собственномъ смыслѣ, что и пластика имѣетъ мѣсто на театрѣ. Въ самомъ дѣлѣ, ужели напиримѣръ это не прекрасныя и притомъ самыя разнообразныя статуи, которыя представляютъ изъ себя дѣйствующія лица въ самомъ концѣ Ревизора? Да, гениальный, образованный актеръ въ каждой своей позѣ представляетъ изъ себя превосходное произведеніе скульптуры; всѣ его движенія въ высшей степени пластичны, рельефны. А балетъ съ своими обворожительными карьерками? Такъ, въ настоящій цивилизованный, прогрессивный вѣкъ, театрѣ для насъ составляетъ своего рода Олимпъ, откуда Музы рассыпають смертнымъ всѣ свои божественныя дары чрезъ своихъ жрецовъ и любовницъ. Вотъ почему посѣщеніе театра, по *вашему мнѣнію*, такъ должно быть приятно и вмѣстѣ благотворно для публики. Кто бы ни явился сюда—богатый ли, утомленный благами жизни и тяготящийся даже своею образованностію, дѣловой ли чиновникъ—труженникъ, который по цѣлымъ днямъ все сводитъ себя да пошнываетъ, или даже ремесленникъ, потомъ и кровью добывающій свои копейку,—каждый найдетъ здѣсь или легкое развлеченіе, или освежающее отдохновеніе отъ житейскихъ драгоговъ, или ободреніе на новый женский трудъ, и во всякомъ случаѣ удовлетвореніе—полное ли то, или неполное—своему вкусу, своей потребности сочувствія и наблюдательности. Чего и говорить о восприимчивой молодости, которая найдетъ въ театрѣ и поэтическія языкъ для своихъ прекрасныхъ чувствованій и свѣтлыя идеалы для своихъ благородныхъ стремленій и чистое зеркало своихъ заблужденій и слабостей; чего и говорить о женщинахъ, которыя всегда найдутъ здѣсь и довольно лица для своей чувствительности и множество образцовъ женственной любви, истинной иѣжности и вѣрности граціи. Оливья словами, всакой, въ комъ еще не убита чело-вѣчественность, испытаетъ въ театрѣ это сладкое волненіе чувства, эту гармоническую игру жизненныхъ силъ, послѣ которой такъ свѣтло и легко бываетъ на душѣ.

Но удовольствія, или лучше впечатлѣнія, получаемыя нами въ театрѣ, имѣють столько же эстетическій, сколько и нравственный характеръ. Объ этомъ я поговорю въ слѣдующій разъ, при первомъ удобномъ случаѣ, знаа, что пре-

дѣлы журнальной статьи не должны выходить изъ обыкновенныхъ границъ, и расскажу о томъ, что теперь дѣлается въ Кіевѣ по части театальной и музыкальной. Я обидѣлся въ М. и Г. Вѣстникъ сообщать только о новыхъ актервахъ и актрисахъ, позволяющихъ на кіевской сценѣ. Недавно въ Кіевъ пріѣхала замѣчательная актриса по дарованію, г-жа Фабіанская. Прежде она играла на Житомирскомъ театрѣ и мы рави слышали объ ея превосходной игрѣ. Въ первый разъ она дебютировала въ Кіевѣ въ роли Маріи, въ Дочери поляка. Потомъ въ Материнскомъ благословіи. Въ оба раза она была очень хороша; движенія ея млы и граціозны, глаза полны артистическаго одушевленія. Она своей игрой произвела сильное впечатлѣніе на публику. Какой-то господинъ, отчаянный театралъ, говорять, увлеченный ея талантомъ, даже написалъ къ ней посланіе въ стихахъ, подобравъ самыя богатыя рифмы; *душа-хороша, прыжокъ-сильжокъ, очи-ночи, лицо-лицо, тѣло-дѣло* и проч. Незнаю, какъ приняла г-жа Фабіанская это посланіе, но оно написано отборными выраженіями, неуступающими въ звучности и плавности, *бурно-ревущему* въ своихъ произведеніяхъ, какъ Терекъ, и *скачущему подобно львицѣ съ косматой гривой на хребтѣ*,—Маршинекому.

По-случаю армарки и дворянскихъ выборовъ, часть посѣтили нѣкоторые виртуозы; въ главѣ ихъ, конечно, мы должны назвать Апол. Контекаго; его иѣвшую скрипку знаетъ не одна Россія, а все музыкальное Европа. Памя всегда одно не нравится въ этомъ артистѣ:—зачѣмъ онъ назначаетъ дорогія цѣны за входъ въ свои концерты? Г. Контекаскій въ свою пользу далъ въ Кіевѣ два концерта и въобразитъ,—первыя ряды креселъ были по 4 руб. Цѣна неслыханная! Положимъ, что талантъ дорогъ, но вельзи забывать недостаточныхъ собратій, которые неуже богатаго понимаютъ толкъ въ музыкѣ и только по дороговизнѣ билетовъ лишаются наслажденія слышать извѣтнаго артиста. Въ этомъ случаѣ, кажется, даровитые виртуозы болѣе эгоисты; они упускають изъ виду другую, благородную, возвышенную цѣль, что ихъ концертъ, даваемый въ провинціи, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и публичная музыкальная лекція, на которой они могутъ познакомить насъ и указать манеру, съ какою должно исполнять творенія классическихъ композиторовъ. Другой концертъ былъ скрипача Маринковскаго. Въ его игрѣ много симпатичности и иѣжности. При благоприятныхъ условіяхъ, мы думаемъ, что Маринковскій въ числѣ извѣтныхъ виртуозовъ скоро займетъ почетное мѣсто. Но необыкновенное событіе въ кіевскомъ музыкальномъ мѣрѣ, безъ сомнѣнія, есть концертъ вокальный и инструментальный, данный студентами Университета Св. Владимира, при участіи другихъ любителей музыки и артистовъ, въ пользу недостаточныхъ студентовъ. Этотъ концертъ былъ данъ 14-го іюня. Самая благотворительная цѣль уже достаточна для привлеченія образованной публики въ концертъ, но, при хорошемъ исполненіи, всѣ посѣтителю остались довольными, даже нѣкоторые, выходя, говорили: «ну не даромъ же я заплатилъ за билетъ 2 руб. сер., удовольствія бездна!»

Ничто не соединять такъ побратски между собою лю-

дей, как искусство: тут и состав и знания забываются, тут цвистел один дар Божий— талант. Вот отчето особенно приятно было видѣть, что въ описываемомъ концертѣ приняло теплое участіе генералъ Кречетниковъ, Ан. Котскій, дѣвншія Левитъ и Колдубовская, г-жа Левковичъ и г. Билинъ. Небуда этого концерта, мы не могли бы позволить услышать озабоченныхъ любителей искусства, исключая, конечно, Ан. Котскаго. Благотворительная часть концерта составила счастливый случай публики восхищаться ихъ неоспоримыми талантами. И не говорю о г-нѣ Котскомахъ, имени неизвестномъ въ музыкальномъ мірѣ, но долготу считаю чертаты о другихъ участвовавшихъ лицахъ въ концертѣ. Многихъ оффиціальныхъ людей, придерживавшихся устарѣлыхъ мнѣній объ актеряхъ и артистахъ, можетъ быть, поразитъ, что въ этомъ концертѣ участвовали генералъ Кречетниковъ; но Г. В. Кречетниковъ, забывая, какъ образованный сынъ вѣка, пошлое предразсудки и желая только, во имя христіанской любви, содѣйствовать благотворительности, вынуждъ предъ публикой съ оборонительной члѣтой. Онъ игралъ фантазію на мотны пѣт. Фелелы съ оркестромъ. Когда онъ кончилъ пѣсню, то по было конца восторгу публики: огромный зала Университета оглашяель громкимъ рукоплесканіямъ и браво. Д-на Левитъ и г-жа Левковичъ пѣли: первый—романсъ, соч. Моношны, а второй—драматическую сцену съ акомпаниментомъ фортепіано и оркестра. Г. Билинъ и д-на Колдубовская играли на фортепіано: первый—polonaise as-dur, соч. Шопена, а второй—сѣргісіо Мендельсона, солю съ оркестромъ. Знаменитый виртуозъ Котскій сыгралъ фантазію на мотны пѣт. Пуританъ въ крошкѣ общаго иаго программы, въ артистическомъ ученіи, еще дѣлѣ пѣсню своего сочиненія. Нужно ли говорить, что публика рукоплескала г. Котскому? Мнѣ кажется пашше. Киевъ никогда не забудетъ тѣхъ пріятнѣйшихъ часовъ, въ которые онъ восхищался нась своею игрою, признавшаю вполнѣ артистическою лѣванъ людми, у коихъ не толста слуховая перепонка. Оркестръ, состоящій изъ 80-ти человекъ, исполнилъ увертюру наъ оперы *Тихонета*, соч. Россини; увертюру наъ трагедіи *Эдмонта*, соч. Бетховена и съ участіемъ 24-хъ пѣвчихъ, овалъ изъ ораторіи *«Сотвореніе міра»*, соч. Гайдна. Оркестръ былъ подлѣ управленіемъ г. Яенискаго, воспитаннаго въ Киевскомъ Университетѣ. Онъ уже управляетъ оркестромъ въ концертѣ другой разъ и публика выдѣлила онѣмъ его дарованія, выразивъ сочувствіе къ его музыкальнымъ способностямъ рукоплесканіемъ послѣ исполненія означеннаго овалъ. Много студентовъ участвовало въ оркестрѣ, а студенты г. Ковалескій исполнилъ на скрипкѣ *adagio* наъ 2-го концерта Беріо съ акомпаниментомъ фортепіано. Огромный залъ Университета едва вмѣщалъ въ себѣ посѣтителей, кресла и стулья были заняты, и то было дѣланъ, а музычныя стояны. Днѣ Богъ, чтобъ подобные концерты повторялись почаще и зваломи публику съ классическими твореніямъ; польки, вазурки и пѣльсы недостаточны для музыкальнаго образованія. Теперь къ слову сказать: музыкальный ли городъ Киевъ? На это трудно отвѣтитъ положительно. Во вѣльномъ домѣ вѣснаго и средняго составліл еель фортепіано,

много учителей музыкальныхъ, по главѣ коихъ надо называть Папочини, Виталицкаго, Горри и другихъ, но знаніемъ классической музыки Киевъ не можетъ похвалиться. Женщины учителя музыки: точно такъ же основательно, какъ и астрономы, а между тѣмъ равнодушны къ музыкѣ въ женской оетѣ. невпріятно встрѣчати. Музыка есть выраженіе чувствъ и сердца— языкъ болѣе понятный для женскаго пола.

И ЧЕРНЫШЕВЪ.

26-го Іюня 1857.

ИНОСТРАННЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Представленіи *Трубадура* на театрѣ парижской Императорской Оперы и дуть шесть успѣшно. Г-жа Лауретъ ухлѣла въ это въ провинцію, а роль *Леонора* въ ея отсутствіе заняла г-жа Ллоон. Эти роли какъ бы создана для прелестной пѣнны, для ея страстнаго и выдѣлѣ: икѣннаго голоса и выразительной виртуозности; роля *Манрико*, выдѣло Гемара, находивагося также въ отпуску, исполнилъ молодой теноръ Савенъ и былъ вызванъ послѣ *Miserere*; г-жа Борги-Мано непрежнему превосходилъ *Асучени*; Зина Ринари и Мерангъ въ дивертисментѣ 3-го акта вызывають еднотдушныя рукоплесканія. Разучивають балетъ *Орфид*, для Феррарисъ, и *Бронковано Кома*; выдѣлѣ слухи, что возобновлять *Графа Ори*. Комическая Опера дала въ *Montquaires de la Reine* для дебюта трехъ новыхъ артистовъ: тенора *Nicolas*, съ успѣхомъ исполниваго роль *Оливье d'Amirac*,—ему не достаетъ только знанія сцены и болѣеишъ увѣренности въ ирѣ; что современнѣ впріятно и прілетѣ,—баритона Барьяна, пѣншаго уже въ провинціи, и г-жа Дюмон, участница парижской Консерваторіи, которая уже имѣла большой успѣхъ на гаюошнихъ музыкальныхъ вечерахъ. Она довольно робко выступила на сцену въ роли *Анжелис de Соланжа*, но у молодой дебютантки естѣ всѣ даныя, чтобъ сдѣлаться современнѣ замѣлательной икѣницею. Г-жа Кабелъ возвратилась изъ Бельгіи и отправилась въ Вазель. Для г-жи Дюери возобновили въ *Diamonds de la Couronne*, театръ *Porte-Saint-Martin* продолжаетъ давать трехактную драму Деюери: *les Chevaliers du Brouillard*, сюжетъ которой взятъ изъ романа Эюеворта: *le Bandit de Londres*,—завѣлательно только, что главную роль бадала, *Жака Шеннарта*, трудную и энергическую, въ отсутствіи Фенстера, иже премьерного театра, занимаетъ молодой австріецъ г-жа Лоранъ и исполняетъ ее смѣло и энергически; въ одной сценѣ въ таверніи, она должна предстать пашше, драгана на рапурѣ и наконецъ въ шестнадцатъ переобла въ екалы на екалу, управляетъ въ гимнастикѣ,—но что, новгородитъ, ничошель г-жѣ Лоранъ; она была еднотдушнѣ бѣннотнѣ Guynasso Драганацѣ ебренетъ возобновила старинную драму: *Клариссу Фарлова*; главную роль *Клариссу* какъ бы создана для икѣннаго симпатичнаго таланта Розы Шери. Театръ *Varietes* закрѣлъ на дѣлѣ пѣльми по-судуно поправокъ. Съ открытїемъ его дадутъ новую пѣсню Клервилля въ *A de Valde*: *le Poinard de Leonora*, и комедію Лорина въ *File du Millionaire*, написанную какъ бы въ ренданъ къ комедіи Эюи-

де Жирардена, того же названія. Профессоръ лекціями г. Ашии Рикуртъ, уже съорганизовавшій многихъ прекрасныхъ артистовъ, даетъ въскрѣсно развѣ въ годъ публичныя представленія въ такъ-называемой Лирической Залѣ и предлагаетъ спонсу устроить на сценѣ публичны. Особенно онъ устроилъ полюбившій драматическій вечеръ, на которомъ исполнило нѣсколько молодыхъ много обещанныхъ талантовъ: играли Комедіи Альфреда де Миссе, *le Capitaine*, оперную пѣсню *Le Roman d'une heure* и 3-е дѣйствіе *L'ukreina* Понсары въ трагедіи, молодой человекъ, 18 лѣтъ, г. Гекторъ Делми, превосходно исполнилъ роль *Cesario*. Носится слухи, что Кипитини Бельдикова, перелетѣ отбылою изъ Париска по Флоренцію, читала въ кругу друзей и знакомыхъ козедію своего сочиненія, замѣтноюшую изъ восточныхъ нравовъ; въ скоромъ времени она думается отъѣхать въ театръ. Концертъ, длившій въ Винни, въ пользу бѣдныхъ, въ которомъ принимала участіе баронесса Вилья (Софій Крувелль), доставилъ сборъ въ 4 тысячи франковъ.

Въ прошедшемъ номерѣ нашего Вѣстника, мы подробно описали, куда отправятся итальянскіе артисты по окончаніи опернаго сезона въ Вѣнѣ, но забыли прибавить, что шефъ отъ, исключая А. Беттини и Росетти, ангажированы на сгѣдующій годъ, также и Ферри, зять Мерелли, директора итальянской оперы въ Вѣнѣ. Г-жа Лотти дѣла Санта отправилась въ Римъ, гдѣ будетъ открывъ вновь въстроенный театръ оперы *Verdi Stabile*; главную роль, по просьбѣ самаго мастера, займетъ г-жа Лотти. Но прибавь осенью въ Петербургъ, она поителъ въ *Синдигитскихъ Вечернихъ Вердѣ*, въ роли, написанной для Софій Крувелль; Беттини ангажированы на всю зиму въ Мадридъ).

Въ Лейпцигѣ посетилъ бывшій актеръ С. Петербургскихъ театровъ, Маллеи; несмотря на лѣта, онъ еще производитъ сильное впечатлѣніе на зрителей; играя въ одно время съ талантливой Маріей Зюбахъ, онъ много оживилъ лейпцигскую сцену.

Французскій теноръ Розже поетъ теперь въ Штутгартѣ, онъ позабылъ вѣтшинный восторгъ въ роли *Раула въ Гугенотамъ*, и не мнѣе превосходно спѣлъ: *Машинга* въ *Фенелль*, *Роберта* и *Гална Лейденскаго* въ *Пророка*.

Извѣстный немецкій писатель Гельмертъ издалъ книгу подъ названіемъ: *Галлерей замѣнительныхъ и вѣнскихъ авторовъ*; въ ней выставляя подробная ихъ біографія и портреты. Дочь, въ которомъ родился Шалеръ въ Марбахѣ, купецъ тамошннхъ, козметомъ благотворительности; въ день столѣтняго юбилей знаменитаго поэта говорить большое празднество въ Марбахѣ.

Въ Веймарѣ оперный театръ перестроивается и потому нѣтъ никакихъ представленій; онъ откроется новой оперой Флотова, названій которой еще неизвѣстно.

Панфетъ Блументаля далъ въ Лондонѣ, въ такъ-называемой *галлерей Дудлѣн*, музыкальное утро, доставившее ему успѣха по сѣбѣ, отпущенному. Онъ исполнилъ думини нѣсны своего сочиненія: *le Gondolier du Lida*, *Une farce*, рондо-галопъ, и пиданно *Луизиеллу* заставили повторить два раза.

Англійскія газеты подробно рассказываютъ несчастную катастрофу, которую означилъ музыкальный праздникъ, даваемый каждый годъ знаменитымъ Жюльеномъ въ Шревернѣ, на маленькомъ островкѣ Северны. Въ этомъ мѣстѣ: рѣка шлетъ 500 сажень ширины и 9 глубины. Для этого случая соединили островъ съ твердою землею подвижными мостомъ изъ четырехъ большихъ лодокъ. Праздникъ состоялъ около 10 часовъ блистательнымъ фейерверкомъ и только-что послѣдній ракетъ доиула на воздухѣ, огромная толпа всей массой двинулась къ импровизированному мосту. Нѣсколько человекъ, впродолжѣ нетрезвыхъ, несмотря на все убѣжденія, стали качать лодки, которыми отдалались одна отъ другой и 50 человекъ ушло въ воду; началось страшное смятеніе, увеличившееся еще темнотой ночи; всюду слышались крики, стоны, многихъ раздавили въ толпѣ, другіе сложили себѣ ноги и руки, большую часть людей выгнали изъ воды мертвыми.

Перейдемъ теперь къ предметамъ болѣе веселымъ. На лондонскихъ театрахъ все идетъ попрежнему. *Лицеумъ* далъ наконецъ такъ долго ожидаемаго *Фра-Даволо*, переведеннаго и аранжированнаго для итальянской сцены. Публика было милое, успѣхъ блестящій. Послѣдній актъ кончился ровно въ полночь, и потому, какъ попасть изъ Лондона, невозможно опять подробно представленія всей оперы, — довольно того, что произведение Скриба и Обера необыкновенно поучаивость. Издѣлная партитура превосходно была исполнена оркестромъ и хоромъ, подъ управленіемъ г. Коствъ Ронкони былъ очень дѣлитель, въ роли *лорда Конбурио*, г-жа Воэю очаровательна въ роли *Церинни*, Гирломи (*Фра-Даволо*), г-жа Маррай, Нери-Беральди, Поломини и Тальяччио также заслуживаютъ полную похвалу. Репертаивы нарочно написаны Оберомъ, прибавившимъ кромѣ того нѣсколько новыхъ арій. Въ двѣнадцатѣ 3-го акта вставлена удивительная тарантелла, исполненная г-жею С. Луикетъ съ живымъ жаромъ; съ отихъ оперъ опера *Фра-Даволо*, давала на нѣмецкой, русской, польской и французской сценахъ, въ новой итальянской формѣ, приобрѣла много почитателей между Англичанами.

Въ *Энтеръ-галлѣ* недавно былъ концертъ одного изъ лучшихъ англійскихъ композиторовъ, Эдуарда Лодера, только-что оправившагося послѣ долгой болѣзни. Публика собралась много. Важнѣшую часть исполнили г-жи Югалтъ, Корадори, Рудерсдорфъ, Вейскъ и мнѣе Фанпа Годдардъ, нѣсны: Ринскъ Рейхардтъ и Вейскъ; инструментальную — Фриетъ, Боттезини, Энгель, Праттентъ и мнѣе Арабелла Голлартъ, гротанъ концерниа Рубинштейна, которую критикъ газеты Times пренозности до небесъ. Она сыграла *Роминисенскъ* изъ *Пророка*, Ласта, и была пѣвана *десять* разъ! Оркестръ, подъ управленіемъ Альфреда Мельтона исполнилъ нѣсколько увертюръ Вебера и Обера.

ЗАМОКЪ ДЕЗЕРТЬ.

ХІІ.

ПЛАТЬ ДВУХА.

И нашелъ спонсхъ хозяевъ въ болѣномъ безпокойствѣ насчетъ моего исчезновенія. Волбю некалъ мѣся по всей деревнѣ и собирався уже второй разъ обойти ее. Я расказа-

) Мы забыли упомянуть извѣстно, что романсикъ *Синдигито* написанъ, и что поелъ для оперы Обера Маки Трублера, въ которую г-жа Лотти пропѣла въ пользу сѣбѣ, натуральна.

заял этим добрым людям, что встретил одного из обитателей замка и узнал в нем своего старого знакомого. Г-жа Пейреког, узнав, что я проведу целую ночь в замке, забросала меня вопросами и была во отчаянии, когда я объяснил ей, что не видел ничего чрезвычайного.

На другой день, в девять часов, я отправился в замок, предупредив Полабу, что может быть встретюсь так же на несколько дней, и прося их не беспокоиться о моем отсутствии. Целю вышел мнѣ повстрѣчу.

— Ты спать, сказали они мнѣ, пристально глядя въ глаза.

— Признаться, спать, отбывалъ я; давно уже не зналъ и сна. Я былъ такъ синовенъ, какъ бы достигъ цѣли своего существованія, счастливой или несчастной — все равно. Синовенствіе даетъ мнѣ силы перенести и радость и горе.

— Такъ ты ее любишь?

— Люблю. А ты?

— Я? я не могу сказать этого такъ рѣшительно. Кажется мнѣ, что я ее люблю, но я не уверяю въ этомъ до такой степени, чтобы открыл свою любовь женщинамъ, которую я уважаю и даже несколько боюсь. Итакъ я уничтожилъ! Уверенности всегда побѣдитъ нерѣшительности.

— Невсегда, возразилъ я, и особенно у женщинъ. Верная любовь не такъ привлекательна для нихъ, какъ любовь менѣ рѣшительная и потому болѣе трудная. Такъ мы остаемся друзьями?

— Ты думаешь?

— Я сиринишо. Но кажется наши отношенія довольно ясны. Если я увижу, что ты действительно любишь и пользуешься хотя малѣйшею взаимностью, и тогда я удалюсь отсюда. И неспособенъ отбивать любовь у кого бы то ни было, а тѣмъ болѣе у человѣка доверившагося мнѣ; но ты еще не знаешь, любишь ли ты, и потому наши отношенія къ Цециліи одинаковы.

— Почему ты думаешь, что я не надѣюсь быть любимымъ?

— Если бы ты былъ любимъ такого женщиною, то по чести уже не допустить бы меня сюда, и ты самъ знаешь, что достаточно одного признанія въ этомъ съ твоей стороны и я навсегда расстался бы вѣдн; но такъ какъ у тебя есть только желаніе быть любимымъ и такъ какъ М-ль Бюкавери достаточно горда, чтобы увлечена этимъ, то я остаюсь.

— Оставаясь, но предупреждаю, что буду некая ея любви также упорно какъ и ты.

— И этого не понимаю. Если ты ее любишь, скажи ей это, я скажу тоже, и она выберетъ кого нибудь изъ насъ; если же ты ее не любишь, я не могу предположить, чтобы вы стали играть любовью уважаемой тобою женщины.

— Ты правъ. Я просто съ ума сошелъ, покажу даже и дурака. Оставался друзьями. Я люблю тебя, хотя мнѣ и досадно вѣдь, что ты не уступалъ мнѣ въ откровенности и рѣшительности. И не привыкъ встрѣчать такихъ людей. Въ кругу, въ которомъ я живу, я встрѣчалъ только людей коварныхъ, хитрыхъ, или подлыхъ, льстивыхъ

трусость. Указывая за Цецилію; посмотримъ, что будетъ. Общаемъ только другъ другу не скрывать своихъ ушибовъ или неудачъ, чтобы тотъ изъ насъ, который долженъ будетъ отказаться отъ счастья, могъ бы избѣгнуть счастливаго молчаливості. Такъ какъ мы добиваемся брака, цѣль честной и благородной, то честь нашей кавы не требуетъ тайны ея выбора. Что же касается до подленькихъ, мелкихъ продажъ, часто употребленныхъ въ подбыхъ случаяхъ, доверствъ, клеветъ, насильствъ и т. п. насчетъ своего соперника, то о нихъ я не упоминаю въ нашемъ трактатѣ, потому что это было бы обидно для насъ обоихъ.

И не раздумавшись подтвердить предложенія Целю, по сообразить, что исполненіе подбыхъ условій можетъ быть крайне тяжело.

— Теперь, сказала Целю, входи со мною на обширный, чудесный дворъ замка, пойдешь къ нашему маршалу.. И тогда прибавилъ, смѣясь: вѣдн ты шути спросилъ вчера вечеромъ, у кого ты въ гостяхъ?

— Развѣ мой вопросъ былъ страшенъ?—я не шути смѣлялъ его; я такъ былъ доволенъ радостью, быть опять со всѣми вами, что не думалъ ни о чемъ другомъ и несколько не безпокоился о томъ, что могу быть нескромнымъ и негнжимымъ, явившись къ вамъ, съ которыми носе не знакомъ. Вы здѣсь живете, какъ настоящие хозяева, и я забываю о маршалѣ. Какой же предметъ выдумаете вы для нашего знакомства?

— Ха, ха, ха! какъ это носе! восклицалъ Целю, подымаясь на широкую лестницъ, покрытой багрянымъ ковромъ. Вотъ интронизация-то! Мы могли бы продолжать ее долѣе, но ты слишкомъ доверчивъ и я не хочу болѣе обманывать тебя.

Сказавъ это, онъ открылъ дверь круглой залы, служившей рабочими кабинетомъ маршала, и закричалъ очень громко:

— Любимый маршалъ, позволяю вамъ предстать ема Лорю Слантійнъ, считаваго васъ до сихъ поръ за шута, и котораго вы одинъ можете разубѣдить въ этомъ.

Маршалъ вышелъ въ-за ширинъ, шаркавшихъ его бюро, и проложилъ мнѣ обѣ руки. Я невольно расхохотался и вѣдн своею недодгадливостію.

— Дити думали, что вы шутите, сказала онъ, но я былъ уверяю, что вы не предполагали, чтобы старей, несчастный Бюкавери, котораго вы знали въ Вѣдн, шутилъ Лорелю, котораго вы знали сегодня ночью, и маршалъ де Вальма—былъ одно лицо. И объясню вамъ это въ двухъ словахъ. Я былъ расцвѣтъ мъ молодости; въ-это тогѣ чтобы несправить и образумить, огонь протопалъ меня и дити неслѣдствія. При краденіи я подумывалъ имени Петра Лисетта *Бюкаверри*, всѣ малѣйше члены ширей жемчужинъ подумали это имя *Жезуитовъ рива*, а всѣ старіе имя *Эдмондо рива*, Кривонозю. Я сталъ носить мое имя какъ названію, только несколько измѣнивъ его. И вѣдн бродячую жизнь и быть несчастливъ во всѣхъ предпріятіяхъ. У меня не было недостатка въ снбности и смѣтливости, но я слишкомъ увлекался своимъ иллюзіями и мало думалъ о

препятствуй, и когда я готов был замкнуть сво-
доу сооружаемого мною здания, оно рухнуло на меня. Весь уж
долгах, и должен был бежать от преследований и гнать
избуги. едали скрывать свой стыд и отчаяние; но я не падал
духом и несли бедности в шпиф; и когда оно согрело
нов сердце и узы, и бросил в новый предпринятии. Все
пазылаи меня канцлером и юристом в пачицею, не подозревая,
что я в душе был самый трезвый человек. Чтобы при-
обрести подобная прозвания, должно трих условий: дол-
жно быть бедным, иметь большое горе и встрѣити сво-
его кредитора при пыхл: наз кабака.

«Я был слишком горд, чтобы просить помощи у
старшего брата, получить разг его отказы. Но я был
слишком нешкодоушен, не заставлял его краснеть, и
посыл своего вистощаго имени и мучать о его скупо-
сти. Я съ удовольствіем предался жизни артиста и за-
был, что родился аристократом. Два ангела были по-
столюно при мнѣ и убилои мени: мать Целию и мой Це-
лиил. Уважайте женщин! Онѣ лучше пась по сердцу.

«Два мѣсяца тому пазыл, когда я был в Вѣнѣ съ
мощю дочерю, получая я письмо, заставившее меня то-
ваться же уехать отсюда. Я подержала дружескіи отно-
шенія съ одним адвокатомъ въ Бриансонѣ, который заки-
дывала дѣлами моего брата. Онѣ извѣтил мени об он-
спомъ возможнн послѣднн, зуал, что нѣтъ никакого ак-
та, который бы отнил у мени право наследованія. Я жилъ
у него до смерти моего брата, которая послѣдовала черезъ
два мѣя послѣ моего приѣзда, и ширзу не испомнилъ
брать оба мнѣ. У него была дѣла только мнѣ — страхъ
смерти. О томъ, что будетъ послѣ него, онѣ не дузалъ.

«Получил слова свой титулъ и богатство, я веду скры-
тую жизнь въ этомъ замкѣ и никто не знаетъ еще, кто я
былъ прежде. Я буду такъ жить до тѣхъ поръ, пока не
заплачу себѣ долгию, сдѣланныхъ мною въ теченіе пя-
тидесяти лѣтъ. Тогда, говори: «этотъ старый пшница Бока-
верн сдѣлалъ мнѣ знакомъ и шл.пошеромъ», въ то же вре-
мя скажутъ: «Но десяти онѣ не безчестный человекъ, не
обманулъ нводного пзъ своихъ кредиторовъ».

«Принимая, я всегда надѣялся возратить свою свобо-
ду и честь, расплатившись подобнымъ образомъ. Я не рас-
читывалъ на извѣдство брата. Онъ такъ недоволенъ ме-
ня, что я былъ увѣренъ, что найдется средство лишить ме-
ня отихъ богатствъ и послѣ его смерти. Я, артистъ и
поэтъ въ душѣ, вѣчно надѣялся добиться наконецъ успеха
въ моихъ предпринятіяхъ. Потому я никогда не занималъ де-
негъ, не занимая количества и условій займа. Въ послѣд-
ніе годы, когда я дѣлался несчастливъ и несчастливъ, я нилъ
чаще и могъ бы растерять все эти отмычки, если бы дочь
моя по собирала и не сохраняла ихъ въ должномъ порядкѣ.

«И теперь ежедневно передъ завтракомъ я съ дочерью
посвящаю по часу на приведеніе въ порядокъ отихъ дѣлъ.
Нашъ адвокатъ въ Бриансонѣ продаетъ часть нашего недви-
жимаго имущества и составляетъ планъ уплаты всѣхъ нашихъ
долговъ, а мы неделю перенеску отъ имени Бокаверн и
отыскиваемъ вездѣ, гдѣ онъ живалъ, псудовлстворенныхъ кре-
диторовъ. Очень немногіе не отзываются на нашъ вызовъ.

Тѣ, которые одолжали меня деньгами, не дуалъ когда ш-
будъ пелунит ихъ назадъ, всегда и получаютъ все, что онп
дали. Падѣюси, что черезъ мѣсяцъ мы кончимъ эту скуч-
ную работу, и тогда все узнаютъ кто и какъ. Царь оста-
нется еще порядочно состояніе и мы хорошо употреби-
мъ его. Прежде я способен бы былъ раздать все кому ни по-
пало; но избѣвъ столько шошей съ разными туендцями
и гулякци, столько дѣлъ съ разными шутами и шегодла-
ми, я научился различать людей. Я долженъ помогать без-
печнымъ, но благороднымъ, честнымъ людямъ, а не раз-
вратнымъ, вреднымъ туендцямъ.

«Кѣ тому же управленіе всѣмъ напоказъ имуществомъ взяла
на себя Целиил. Она будетъ также раздавать, и раздавать
щедро, но по крайней мѣрѣ съ разборомъ и безъ шоощренн
вредной орадности. Посмотрите, продолжала маркиза, раз-
личная ширма, закрывавшія ея, вотъ прекраснѣйшая,
благороднѣйшая изъ женщинъ! Она способна на все для
спасенія чести отъ: артистка въ душѣ, она не затрудняется
скупою обязанности бухгалтера!»

За столомъ сидѣла Целиил: она перебирала бумаги, ры-
ла въ книгахъ, писала, считала, зачеркивала письма съ
исобъяснительною бьетрогною, писала, не развѣкала, на-
мизъ разговоромъ. Она была блѣдна отъ усталости; ея вѣж-
ное тѣло было истомлено этою двойною дѣятельностью
артистки и управительницы, но лице ея было спокойное и бла-
городное; на ней было зелено шелковое платье, ея огу-
ра ея имела уваженіе и была полна достоинства. Я за-
мѣтилъ, что она обрадала свои черные волосы, вѣроятно
для того, чтобы играть роли мужскихъ: волнистые локо-
ны около лица и шея придавали ей видъ молодого учени-
ка — артиста времени возрожденія: въ ея лицѣ было слиш-
комъ много задумчивости, чтобы напоминать шалуна па-
жа или молодого сенѣра среднихъ вѣковъ. Все лице ея
выражало узы и гордость, только краткіи, скрытый взглядъ
казался отрицать всякое притязаніе на гениальность и на
славу.

Она улыбулась Целию, подала мнѣ руку и задвинула
ширма, чтобы кончить свою работу.

— Теперь вы знаете все наши секреты, продолжала
маркиза, и я увѣренъ, что мой довѣренность не будетъ упо-
треблена во зло. Целию и другимъ дѣтямъ Флоріанн и пе-
медленно же открылъ все. И столькою долженъ ихъ материю
И не только деньгами должонъ и отплатить мнѣ, потому
что и она помогла мнѣ не однимъ деньгами: она поддер-
живала мени возвышенностью своего сердца, и мое сердце
навѣка принадлежитъ ея вильмъ, благороднымъ дѣтямъ,
которыхъ я съ радостію называлъ своими. Флоріанн остав-
ила хорошее состояніе, но раздѣленное между четырьмя, оно
не обезпечило бы каждому изъ нихъ. Проводнѣе послало
мнѣ большія средства и я тотчасъ же призвалъ ихъ къ себѣ
и оставилъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они не почувству-
ютъ себя довольно сильными, чтобы самимъ пуститься на
попрнхъ артиста, служить искусству; это одно изъ высшихъ
назначеній человека, и какой бы вѣтъ его они сами по-
святили, начала ихъ разннтя будетъ положено мною здѣсь.

Этотъ скардио съ моей стороны, но оно простительно мнѣ,

выступил постоливым неудачи и неприятности во всех собственных предприятиях. Постоянным размышлением и опытом я нашел источник несчастья и прекрасного: у меня втя уже шлозой и потому мои советы могут быть полезны. Но я убежден, что из ничего нельзя сделать что нибудь и что умение плыть въ прокъ только для человека одареннаго способностями отъ самой природы. По счастью мои умелыя гениальны, они могли бы обойтись и безъ меня; но и своимъ участіемъ, усердіемъ ихъ, умѣнь, отстраняю промахи и неприятности ложныхъ увещаній. Я для уже направленіе способностей Сгеллы, испытываю Салматора и Беатрику, а что касается до Целіо, то пусть онъ самъ соизвѣст, не открывъ ли я въ немъ силы, которыхъ онъ и не предполагалъ въ себѣ.

— Да, правда, сказалъ Целіо, ты научилъ меня понимать самого себя. Ты заставилъ меня сознать свое достоинство и вывелъ отъ тѣхъ людей. Ты и дочь твою каждый день дѣлаешь изъ меня новаго человека. Я думалъ, что я энциклопедія, жестока, уморень и невозможна, я одна не сдѣлалась злымъ, но вы исправили меня и научили владѣть собою. Я не переживалъ бы во тѣхъ нравственности, но сдѣлалъ что во мнѣ искусства, и я понялъ, что забѣснать мои!

Говоря это, Целіо ударилъ себя въ грудь.

Я былъ вполнѣ правъ, весьма слышаннымъ, слушать Целіо со слезами на глазахъ и съ удивленіемъ глядѣть на маркиза Бальма; это былъ совѣтъ другой человекъ, нежели каковыя я его зналъ прежде; онъ не въ измѣнился. Это ли тотъ старшій племянникъ, шатавшійся по сценамъ театровъ, нашедшійся въ всякомъ и каждому со спонсоръ темныхъ, фантастическихъ теорій, и пропитанный запахомъ вина и табака? Перидо мной былъ человекъ свѣтлый, бодрый, съ благороднымъ, открытымъ лицомъ, съ изящною, горбатымъ взносившимъ, съ бритою бородою и бѣлыми, аристократическими руками. На немъ было чудеснѣе бѣлье и богатый бархатный халатъ, подбитый соболемъ, въ которомъ онъ казался каковыя-то владѣтельнаго герцога, динить аудіенцію своимъ друзьямъ, или еще скорѣе называлъ Вольтера въ Ферней: онъ былъ лично еще Вольтера, потому что на лицъ его сияла улыбка отца, а сердце было полно любовью и любовью. Какъ справедливо, что счастье необходимо человеку, что бѣднее порождаетъ пороки въ артистѣ и что только чудо можетъ сохранить въ немъ сознаніе его достоинства.

— Теперь друзья мои, сказалъ намъ маркизъ Бальма, идите, посмотрите, готовы ли быть въ театръ; мнѣ нужно окончить одно письмо и мы скоро придемъ къ вамъ съ Целіо. Итакъ, г. Салматори, вы обѣщаетесь погостить у насъ въ сколько дней?

Я съ радостію согласился, но выйдя изъ кабинета одумался.

— Я кажется просто понималъ, сказалъ я Целіо, останавливая его въ галлереѣ, украшенной фамильными портретами. Все время, какъ маркизъ рассказывалъ свою исторію и описывалъ настоящее положеніе, я радовался, что наконецъ онъ можетъ наслаждаться счастьемъ со своею дочерью. Я и не подумалъ, что эта перемена ихъ обстоятельствъ нанесетъ мнѣ ужасный, неизлечимый ударъ.

— Какъ это такъ, спросилъ Целіо съ удивленіемъ.

— Ты еще спрашиваешь? отбѣчалъ я. Развѣ ты не понимаешь, что я люблю мадемуазель Бокавери, бѣдную вѣтвину, получающую три, четыре тысячи въ сезонъ, и тогда я, получающій гораздо болѣе, могъ думать быть ей мужемъ; теперь же всякое помыслие руки мадемуазель де Бальма, послѣдница вѣскопныхъ миллионеровъ, будетъ съизвоено показаться мнѣкимъ съ моей стороны.

— Такъ и я покажу низкимъ, если стану искать ея руки! сказалъ Целіо, показавъ плечамъ.

— Итъ, отбѣчалъ я послѣ мнугнаго размышленій. Хотя ты не богаче меня, но ты имѣешь столько саблала для Бокавери, что богачъ Бальма долженъ всегда считать себя въ долгу у тебя. Притомъ ты носишь славою или твоей матери, или такъ глубоко уважаемое Целіою. Слѣдовательно, ты можешь смѣло и безъ стыда искать ея руки. А я долженъ отозваться отъ этого счастья и тебѣ остается пожалѣть, утѣшить меня и забыть, что я твой соперникъ. Я останусь здѣсь еще одну ночь, чтобы доказать мое уваженіе и преданность, но завтра же уѣду и постараюсь вылетѣть отъ моей любви. Чувство гордости и сознаніе долга помогутъ мнѣ. Береги себя! то, что я тебѣ говорю; мадемуазель де Бальма никогда не должна знать, что я шлѣхъ притраиваю на ея руку.

(Продолженіе слѣдуетъ).

УБЪЯВЕНІЕ ИСТОЧНИКОВЪ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКАГО ТЕАТРА.

(Списокъ первый *)).

Г. ГЕННАДІИ.

СОСТАВЪ ОПЕРЫ ВЪ МОСКВѢ, въ 1822 году.

Въ St. Petersburgische Zeitschrift, изд. Аугустомъ Олдрихонимъ, во 2-омъ томѣ, 1822 г., помѣщена статья П. Борлардина: *Tagebuch des Italienischen Theaters zu Moskau*. Изъ этой статьи узнаемъ, что въ 1822 г. составъ труппы московской итальянской оперы былъ слѣдующій:

Sign. Antè, prima donna soprano.

S. Zamboni, prima donna contralto.

Mme Casella и Mme Peruzzi, обѣ seconda donna.

Monsr. Zamboni, primo attore comico и режиссеръ.

Monsr. Nota—голецъ.

Monsr. Tosi, primo basso cantante.

Monsr. Misori, basso cantante.

Monsr. Peretzi, primo tenore.

Monsr. Grandi, теноръ.

Капельмейстеръ—Morini. Первыя скрипки: Сиринъ и Кашино.

Репертуаръ состоялъ изъ слѣдующихъ шестъ:

Два открытія, 12 ноября 1821 года, а именно: 1) Il Turco in Italia, Россини. Эту оперу продолжали сезона два и 6 разъ.

2) Cleopatra, Россини,—дважды 4 раза.

3) Il Fanatico per la Musica, Моцарта,—5 разъ.

4) Lindario Felice, Россини,—5 разъ.

*) Обыкновенно продолженіе.

- 5) La Clotilda, Коччио (Coccin)—3 раза.
6) Il Barbieri di Siviglia, Россини,—1 раз.
Оперы давались въ домъ графа Апраккина.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКАГО ТЕАТРА.

- 1) *Zur Geschichte des Russischen Theaters, von I. Stählin.*
Въ Haigold's Beylagen zum Neuveränderten Russland. I Th. (Mga u. Milan, 1761) s. 397 — 432.
2) *Nachricht von der Tanzkunst und Ballet in Russland.*
Ibid. 2 Th. s. 33—36.

3) *Nachricht von der Musik in Russland.* Ib. s. 39—192.
Эти историческія извѣстія о театрѣ, балетѣ и оперѣ въ Россіи, Якова Штелина, послужили основаніемъ и главнѣйшимъ источникамъ всѣхъ историческихъ статей объ этихъ предметахъ, появившихся въ разныхъ журналахъ. Двѣ первыя статьи были переведены въ С. Петербургскомъ Вѣстникѣ, ч. 4 (1779 г. августъ, сентябрь и октябрь), а послѣдняя, о музыкѣ, въ Художественной газетѣ (1840, № 21 и 22.

4) *Kurze Geschichte des Theaterwesens in Russland bis zur Regierung Catharina's der Grossen.* — Во Сборникъ: *Russische Miscellen von Richter*, № VIII (1804. Mga) s. 166—173.

Весьма краткіи очеркъ по русскимъ источникамъ.

5) *Историческое извѣщеніе о российскомъ театрѣ, изъ историч. записокъ А. М.* — Въ Слѣд. Архивѣ, О. В. Бугарина, т. 4 (1822 г. № 21) стр. 179.

А. Авишевскій, указывая эту статью въ Архивѣ, изд. П. Калачовымъ, ч. 1 (М. 1850), приложеніи 2-е, стр. 13-ю, говоритъ: «Содержаніе этой важной, какъ матеріалъ, статьи слѣдующее: начало театральнаго представленія въ Россіи при Алексѣѣ Михайловичѣ; призваніе Петромъ I иностранныхъ комедіантовъ, которые обзаводятся лагутичъ своему искусству нѣсколько человекъ изъ русскихъ; описъ комедіи 1709 года; итальянския и французскія труппы; представленіи въ Московской Академіи и Артиллерійскій школъ; явленіи Сумарокова; зведеніе въ Ярославль театра Волковыта (1752 г.) и переведеніе его труппы въ Петербургъ; учрежденіи театра въ Москвѣ (при Елизаветѣ Елизаветѣ Штирофъ) и переносы его въ разные руки.»

6) *О российскомъ театрѣ отъ начала оныхъ до конца царствованія Екатерины II, П. П. Сумарокова.* Въ Отеч. Запискѣ. (П. Солоница), ч. 12 (1822 г.) стр. 239—311, и ч. 13 (1822 г.) стр. 310—339.

Сумароковъ извѣстъ свѣдѣніи о русскомъ театрѣ пять бумага Александра Петровича Сумарокова и сообщать ихъ для дополненія автору И. А. Дмитровскому.

Это, покуда, самый подробный статья о нашемъ театрѣ и ею пользовались многие. Кромя свѣдѣній о имени театра и драмахъ Дмитрія Ростопчина и потомъ явленіи Сумарокова и Волкова, дабы сообщены нѣкоторые, краткіи впрочемъ, извѣстія объ актерахъ: Волковѣ, Поповѣ, Дмитревскѣи, Шуваловѣ, Помещановѣ и объ актрисахъ. Говорится также объ иностранныхъ труппахъ, бывшихъ въ Петербургѣ.

7) *Историческіи извѣдѣніи о русскомъ театрѣ до начала XIX столѣтія.* Н. Гроча. Въ альманахѣ на 1825: *Русская Галлѣя*, изд. О. Бугаринь, на стр. 1—53.

Исторія разсказана по печатнымъ, извѣстнымъ источникамъ, но до сихъ поръ это самое полное изложеніе исторіи русскаго театра. Въ приложеніяхъ помѣщены краткіи біографическіи извѣстія объ актерахъ: Волковѣ, Нарыковѣ (Дмитревскомъ), Крутицкомъ, Пятицкичѣ и Яковлевѣ.

Въ этомъ же альманахѣ, въ концѣ, помѣщенъ списокъ артистовъ С. Петербургскаго театра.

8) *Основаніе въ 1750, русскаго театра кадетами Перваго Кадетскаго Корпуса.* Изъ ствольницкаго списку. А. Крайбиновъ. Спб. Въ тип. Военно-Учеб. Заведенія. 1849 (S) VI, 4 и 109 стр. и стр. печатное. Съ портретомъ Сумарокова.

Источникомъ составленія этой книжки было: *Докло объ учрежденіи Росс. театра при Шляхетномъ Кад. Корпусѣ*, хранящееся въ архивѣ: I-го К. Корпуса. Изаты во воззваніи и другіе, печатные источники, указанныя въ приписованіи. Въ приложеніяхъ помѣщено нѣсколько любопытныхъ архивныхъ бумага.

9) *Очеркъ истопетнаго хода и усовершенствованія театра въ Россіи.* П. П. Арапова. Въ Драммат. Альбомѣ, изд. П. П. Араповымъ и Авг. Рощинькомъ (М. 1850).

Въ этомъ же сборникѣ помѣщенъ списокъ артистовъ моск. труппы въ 1850 году, нѣсколько біографіи и портретовъ.

10) *Матеріалы для исторіи русскаго театра.* (Изъ иностран. источниковъ). Сообщ. Г. Гамиди, въ Паутоубѣ 1855 № 1.

11) *Le Théâtre en Russie, par P. Dantaire, dans le Journal des Débats de 1843, du 20-м Octobree, 22 Novembre et 6 et 18 Decembre.*

Фельетонная статья, гдѣ на основаніи скудныхъ источниковъ разсказано начало зрѣлища въ Россіи, анекдоты объ актерахъ и характеристика нашихъ драматическихъ писателей съ отрывками изъ нѣкоторыхъ пьесъ. Въ сужденіяхъ литературныхъ авторъ этой, для русскихъ, совершенно незначительной статьи, опираясь на сочиненія г. Зеленецкаго и г. Милюкова.

12) *Essai sur le théâtre russe.* Въ Bulletin du Bibliophile Belge, T. IX (1852) стр. 135 и сл.

Статья, перепечатанная изъ *Esprit des Journaux 1776* (mai), въ который она попала изъ *Gazette universelle de politique et de littérature des Deux-Ponts*. Это краткіи очеркъ, извлеченный изъ записокъ Шредингера, который нимъ однако не упоминается издатели газетъ.

Въ 1771 году была издана въ Антверпѣ, (въ Токкапскомъ герц.) теперь весьма рѣдка брошюрка о русскихъ писателяхъ, перепечатанная С. Д. Болотоваымъ въ петербургской *Revue Etrangère*, T. 80 (1851) и особю. Она вышла подъ заглавіемъ: *Essai sur la Littérature Russe etc.*—Неизвѣстный авторъ ея, назвавшійся *un voyageur russe*, въ предувдомленіи объявляетъ, что если его опытъ будетъ принятъ благосклонно, то онъ извѣстъ также опытъ о русскомъ театрѣ (*un Essai semblable sur le Théâtre Russe*). Впротнво статья, отысканная редакторомъ *Bulletin du Bibliophile Belge* и въ немъ перепечатанная, и есть этотъ обнщанный *Essai* неизвѣстнаго автора.

13) *Памятникъ Записки Александра Павловича Храпови-*

ищико. Вь Отечественныя Занскахъ, Пала Свинина, тома 7—18. 20, 21, 24, 27, 31 и 33 (1821—1828).

А. В. Храповицкй (р. 1739—1801 г. Дек. 29, въ Петербургѣ), былъ статсъ и кабинетъ-секретаремъ Императрицы Екатерины II (съ 1782 года, а въ 1793 пожалованъ тайн. совѣтникомъ и сенаторомъ). Онъ велъ шевинки съ 1782 года апрѣля 18 по 7-е сент. 1793 года, во время службы своей статсъ-секретаремъ, сохранившійся въ спискахъ и напечатанный, однако не полный, Свиньякомъ.

Такъ какъ Храповицкй, вмѣстѣ съ Стрекаловымъ, былъ употреблемъ по дѣламъ театральнымъ, то находимъ у него и некоторыя свѣдѣнія, полезныя для историка театра. Особенно любопытны его замѣтки, къ сожалѣнью краткія, о сочиненіи и представленіи пьесъ, сочиненныхъ Императрицею для театра Эрнштага.

Вь Отеч. Занскахъ (т. 7-й, стр. 127—136) есть биографическія очерки о Храповицкомъ, о которомъ также есть статьи въ сборникѣ *Рауна*, издаваемомъ его племянникомъ и обладателемъ рукописныхъ его записокъ, М. В. Сушковымъ. Т. III (М. 1854) стр. 125—162.

14) *Жизнь Емельяновича Шутерина и современныя ему театральныя знаменитости* ('). Очерки изъ воспоминаній С. А. (Сергійя Аксакова) въ Москвитинѣ 1854 года. № 10 и 11.

Новѣеио также въ его книгѣ: «Семейная Хроника и Воспоминанія», вышедшей въ 1856 году.

(Продолженіе нредыд.)

*) Что касается до биографій историковъ, которыя разувѣея составляютъ богатый матеріалъ для исторіи театра въ Россіи, то изъ многаго шломота въ разныхъ сборникахъ и сочиненіяхъ издавалъ вь такомъ обширномъ брошюрами. Предоставляемъ себѣ сопрѣеже указать въ вь рубрикѣ «Писатели и статьи». С. Аксаковъ упоминаемъ потому, что она имѣетъ болѣе близкое по тѣмъ какъ биографія.

ДЕНЕЖНЫЙ ВОПРОСЪ (LA QUESTION D'ARGENT),

комедія въ пяти дѣйствіяхъ,
сочиненіе

А. ДЮМА (сына).

ДѢЙСТВІЕ 3-е.

(Уч. де Ронкуръ. — Кабинетъ графини).

ЯВЛЕНІЕ I.

Г. КАВОЛЬ и ЛАКЕЙ.

Г. КАВОЛЬ (входитъ). Домо г. де Ронкуръ?

ЛАКЕЙ. Дома; онъ въ кабинетѣ съ повѣренными графини. Клянъ прикажете доложить объ васъ?

Г. КАВОЛЬ. Г. де Каволъ. Не беспокою барина, я подожду, пока онъ кончитъ свои дѣла. Показъ мнѣ газету (беретъ газету). Что, графиня еще не пришла?

РЕВЕ (входитъ). Нѣтъ еще.

КАВОЛЬ. А, это вы, любезный Репелъ очень радъ васъ видѣть. (Лакею уходитъ). Имѣте новѣстія отъ графини?

РЕВЕ. Не могу понять, что ѣздаетъ съ графиней, недавно

получить отъ нея самое грустное письмо, она хотѣла вѣтъ въ монашество, отказаться навсегда отъ свѣта, даже собиралась умреть, а на третій день пишетъ мнѣ, что очень весела и счастлива, а слушалъ Пору и въ восхищеніи отъ музыки Беллини, прибавляла, что увѣжаетъ въ Шотландію и черезъ мѣсяць возвратится сюда.

КАВОЛЬ. Воспитательная внутренн! А вы были у меня на прошлой недѣлѣ, и пашелъ вамъ картючку.

РЕВЕ. Я желаю сироты вашего совѣта.

КАВОЛЬ. Я къ вамъ пишу услужливъ. Въ чемъ дѣло?

РЕВЕ. Мнѣ хочется разбогатѣти.

КАВОЛЬ. Славная мысль, многіе того добиваются, но къ несчастію есть только одинъ позволительный способъ заработать деньги, который, но мѣсяцъ только показывается.

РЕВЕ. Что же это за способъ?

КАВОЛЬ. Трудъ и занятія.

РЕВЕ. Средство это...

КАВОЛЬ. Своимъ трудомъ, увѣряю васъ. Возьмите, напримеръ, хотя сына Дюрбе. На что онъ годится? ничего не знаетъ, ничего не дѣлаетъ, или правда, онъ дѣлаетъ долги; славаное заятіе, нечего сказать. Знаете, гдѣ онъ теперь?

РЕВЕ. Нѣтъ, не знаю.

КАВОЛЬ. Развѣ вы не выданы съ вашимъ дядею?

РЕВЕ. Больные духи подѣлъ не были у него.

КАВОЛЬ. Сынъ его посаженъ въ Калпін.

РЕВЕ. Огидъ, я думаю, стрѣило заблѣловъ?

КАВОЛЬ. Напротивъ, онъ очень правъ, хочеть его оставить тамъ въ дѣлѣный годъ и совершенно правъ. Но какъ большъ имѣлъ человѣкъ 22-хъ лѣтъ, принадлежащаго къ почтенному семейству, который такія образцы изчисляетъ свою жизнь. Вотъ, когда у насъ будетъ гражданскій наборъ...

РЕВЕ. Это что такое?

КАВОЛЬ. Мнѣ пришла въ голову мысль вѣнчать въ употребленіе этотъ наборъ, спершишо сходный съ рекрутскимъ и могущій даже замѣнить его впоследствии. Очень вѣроятно, что современемъ одноклассныя выгоды, искусства и торговли тѣсно соединятъ все въ пародъ и война печемъ навсегда со свѣта. Тогда стануть обращать болѣе вниманія на умственные способности людей. Когда какому-то человѣку шнеть 21 годъ, привѣтственно извѣстятъ допросто его, какую карьеру онъ избралъ и что имѣреть дѣланъ для зрѣлыхъ людей.—Шнего, овѣтвить юноша.—Хотите работать?—Нѣтъ, я ничего не хочу дѣлать.—Прекрасно, значитъ вы богаты?—Богатъ.—Въ такомъ случаѣ, м. г., вамъ не нужно трудиться, но вы должны имѣте себя представить другаго и платитъ вамъ въ годъ сто тысячъ, чтобы бывшыя люди могли за васъ работать, а вы можете дѣлаться сколько угодно...

РЕВЕ. Весьма замѣчательно. Но какъ же работу дадутъ бѣднымъ, которыхъ, богатые люди предѣлываютъ имѣте себя нравственно?

КАВОЛЬ. Они стануть обрабатывать землю; вѣтъ генеръ, онъ у насъ въ такомъ пренебреженіи, что покажутъ черезъ 50 лѣтъ землемѣщамъ, будетъ стоить 25 тысячъ въ годъ. Но среднеемъ все уравновѣсится и вы бы останетъ мѣста, когда не бь будутъ работать.

РЕВЕ. Но покажутъ недостаточъ денегъ, чтобы уплачивать такому множеству работниковъ...

КАВОЛЬ. Вѣтъ, какъ-то, этотъ проектъ очень замѣчателъ.

РЕВЕ. Конечно!

КАВОЛЬ. Ничего нѣтъ, увѣкательнѣе вопроса о деньгахъ, вопросъ, занимающаго все умы. Когда трудъ, этотъ безграппч-

ный капитал, распространится повсюду, ирравно востановить деньги на уплату его и тогда деньги уничтожатся.

РЕВЕ (сильно). Ха, ха, ха!

КАВОЛЬ. Вы съётеесь?—я так и думал; двадцать раз вы отвечали смехом на подобия слова.

РЕВЕ. Но чья же вы забыли деньги?

КАВОЛЬ. Делать вполне невозможное, вовсе существо очень простое. Паризиеры, полюбив, от. прежде время Парижанты, покупая от. Марселя выпис за 100 тысяч, франков. Они послали, продала должная его тысячи, от. должная; подохравнейшей духу жандармов. На дороге, воры увидели на лихачеве, убивали жандармов и делили между собой деньги. Посылали других жандармов, да они в погоню, дрались, — наконец воры были пойманы, похищенные, общество огомщено, п столько хлопот, только для покупки зловредного дома (как мы обязаны тому, кто первый начал, но хотя заселили немно; с тех пор, никто не начал, но никто сам по себе ничего не авечат, главная их основа—вердикт... Но я если стану вас, поощряя по все, делавшая тайны, то не кончу до завтра; дало в том, хотите ли назвать деньги трущам?

РЕВЕ. Хому!

КАВОЛЬ. Отчего вы вдруг задумались разбогатеть?

РЕВЕ. Эту мысль дала мне дичина, она рушила мой так-же как и вы, что человек, не мой дель не должен прива-лить вь правды свои жаны; независимость, которой и так, тогда, легко можно взять, обогнать.

КАВОЛЬ. Справедливо. Посудите, мой друг, я вкратце важное предприятие и изобрести представляю министру проект, обь удобной почты во Франции. Прикажете ко мне, и я сделаю вам написать маленькое предложение к моему проекту; сначала, для это покажется вам трудным, так как вы не практичный человек, но я хочу узнать ваши способности и познать, может, вносить свое изобретение.

РЕВЕ. Вотъ все что я желал, благодаря вас. Теперь возьмите срочность, что вы думаете обь Жане Жиро?

КАВОЛЬ. Жиро не глуп, и очень смеяться от. факт, он, и теперь уже богат, и может, назвать еще громадное состояние. Чего доброго, современней, от. станеть в главе всего финансового мира сь своими капиталами. Достичь этого почта очень трудно и много не достигнув цели сь столько удалился, по раз, утвердившись на дель, очень легко сохранить его на всю жизнь. Но отчего вы меня спрашиваете обь Жиро?

РЕВЕ. Я хотел, знать именно ваме мнѣм обь этомъ человеке.

КАВОЛЬ. Однако Ронкуръ долго не идти, а ждать его долго не могу. Вы еще остаетесь?

РЕВЕ. Останю.

КАВОЛЬ. И попрошу вас передать ему отот пакет (к. де Ронкуръ ездитъ).

ЯВЛЕНИЕ II.
ТЪЖЕ П Г. ДЕ РОНКУРЪ.

РЕВЕ. Да вотъ онъ самъ.

РОНКУРЪ. Извините, любезный другъ, что застали себя так, долги жалко;—у меня было очень важное дело. (Обратясь к. РЕВЕ). Здравствуйте, Рене!

КАВОЛЬ. Я очень приятно провести время вь обществе вас. Я пришел...

РОНКУРЪ (нервно). И именно хотеть сегодня взять кь вам, а поблагодарить вас, любезный другъ, теперь это сум-ма мне не нужна.

КАВОЛЬ. Такъ вы уже устроили спол дѣла?

РОНКУРЪ. Устроено.

КАВОЛЬ. Вы можете быть не хотите задолжать мнѣ?

РОНКУРЪ. Уверю вас, что теперь деньги мне не нужны, еще раз, благодарю вас, от. всей души, дорогой друг!

КАВОЛЬ. Я всегда рад, услужить вамъ. (К. РЕВЕ) И такъ мы сь, завтра увидимся?

РЕВЕ. Нетрѣмѣнно!

КАВОЛЬ. И жду вас, пораньше. (Ронкуру). А вы, мой другъ, когда навестите меня?

РОНКУРЪ. Какъ только найду свободную минуту, сейчасъ приѣду кь вамъ.

КАВОЛЬ. До свиданія (жметъ обѣимъ руки и уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ III.
РЕВЕ И Г. ДЕ РОНКУРЪ.

РОНКУРЪ. Наслы кончили все сь, покрѣпить графин.

РЕВЕ. Ну что, какъ, ея дѣла?

РОНКУРЪ. Въ страшномъ безобразии, трудно даже разобрать ихъ; графин хотела назначить, а продалъ своего отца, и, купившись, намъ дозволено, по кь кредиторы не дѣлать. Они воображаютъ, что графин разорена, особенно ея шезавиль отъвалъ, наугадъ ихъ, а долговъ у графини очень много, несмотря на огромное состояние. Сь трудомъ собрали она 500 тысяч и отдала г. Жиро для какого-то высшего предприятия, остальные врупил мнѣ; для уплаты ея кредиторамъ и покрѣпить; впрочемъ, заплатив долги и продав, что ея дѣлаетъ, графин еще останется 80 или 100 тысяч, изровно духому. Теперь скажу вам, о своихъ дѣлахъ. Вы знаете, что я еще останусь должек 100 тысяч за своего брата, оти-то деньги и перевозил мнѣ де Калло.

РЕВЕ. Вы отказались принять ихъ.

РОНКУРЪ. Едва мой кредитор узнали, что я управитель графини Симелан, какъ стал требовать немедленной уплаты и угрожал даже тюрьмой.

РЕВЕ. Но сперва они согласились ждать?

РОНКУРЪ. А потомъ перемудрили. Знаете, что мне сказали покрѣпитель мои кь кредиторамъ?—Сими шповаты, зчьмъ был слухомъ чести.

РЕВЕ. Славный упрек!

РОНКУРЪ. Они обещали оставить мнѣ вь побѣ сь условнымъ, если стану вам, уплачивать по 10 тысяч, на годъ. Графиня же, узнавъ о разстройствѣ своихъ дѣл, оставила меня и себя, по законнымъ назначить не больше 3 или 4 тысячи. Каждый день я выхожу сюда люди, которые, прощаясь, на графиня вуж-дены вь деньги, предлагая, мнѣ разнымъ сумамъ. Если я захочу, то могу вь одинъ годъ уплатить свой долгъ, да-было бы пришло кь дочери, а оставив, еще себе 10 тысяч изровно годового дохода, только тогда графиня будетъ разорена, а я ея дѣлосъ ворочу. Трудно вычитать подобная дѣла и, бы дѣла.

РЕВЕ. Но что вы задумали,—вотъ, главное дело; оно, право: платите и вы будете уважаемы.

РОНКУРЪ. Больше всего меня заботитъ судьба моей дочери. Что будетъ сь ней, если я вдругъ умру.

РЕВЕ. Графиня не оставитъ ее.

РОНКУРЪ. Верно, но на свете Елиза: она по совлестямъ жить по милости, да и что это на будущее? Кь тому же графиня можетъ тоже умереть.

РЕВЕ. Что же дѣлать?... Если бы и были богаты...

РОНКУРЪ. И эпох, что бы вы сь дѣлали, по сь несчастью вы не богаты, мой другъ. Вы слышали конечно, г. Жиро любить Елизу и просилъ у меня ея руку. Я ответилъ, что многому сь дочерью, по принужден, ее не буду; сегодня она приѣдетъ за

отвѣтомъ. Конечно не такого бы мужа я желала Елиза, но за то въ матеріалъ, по мнѣнію мы будемъ обезпечены, я буду спокойна, она богата; Жиро человекъ, самый шиваго званія, а въ немъ много сибирскаго, но онъ миллионеръ, и миллионеры очень рѣдко женятся на бѣдныхъ дѣвушкахъ.

РЕВЕ. Ну что же Елиза?

РОНКУРЬ. Она не хочетъ за него выйти.

РЕВЕ. Значитъ она ишии затруднительныя обстоятельства?

РОНКУРЬ. Конечно знаетъ.

РЕВЕ. И встаетъ отказывать Жиро?

РОНКУРЬ. Попробуй. Я не хотѣлъ исполнить ее, пришесть жертву сверхъ ея плъ; но тому же...

РЕВЕ. Что такое?

РОНКУРЬ. Рече, у меня нѣтъ тайнъ отъ вездѣ, и боюсь, что какая-нибудь особенная причина заставляетъ ее отказаться отъ этого замужества.

РЕВЕ. Вы знаете?

РОНКУРЬ. Я разогналъ свою дочь... правда, съ благородною цѣлю, по свасаи чести брата, я лишилъ Елизу материнскаго наслѣдства, она объявила и не могла уже надѣяться быть счастливой женой, выйти замужъ по выбору своего сердца. Елиза не сказала ни слова, сразу не упрекнула меня и съ благородною покорностью пожертвовала собой. Какое же право я имѣю спрашивать ответа въ ея любви, когда она не спрашиваетъ меня, что я сделаю съ ея деньгами. Елиза любила молодого тѣмизгиваго человѣка, онъ казался добрымъ и благороднымъ, я полагался на его честь, къ тому же не могъ я какую-нибудь выгоду изъ Елизы, цѣлый день была занята. Узнавъ, что этотъ человѣкъ жидится, и являя глубокую гурреть дочери, я бросился къ Максу Гюберу, просилъ сказать истю правду, умолялъ не оставлять мне бѣдную дѣву. Онъ объяснилъ, что не сдѣлать ничего противъ совѣсти и ни къ чему не обявлялся. Правду ли онъ сказалъ. (Она голя я тяжело страдала, припадки облегчили меня, и радъ что поверили свое горе пашъ, мой благородный другъ!).

РЕВЕ. Благодарю за ваше довѣріе и никогда не употреблю его во зло. Вы правы, есть вопросы, которые невозможны между отцемъ и дочерью, тутъ нужно содѣяніе предвизнаго друга. Хотите, я поговорю съ Елизою?

РОНКУРЬ. И только того и желаю. Если послѣ нашего разговора вы скажете, что бракъ невозможенъ, мы точно же покопчимъ это дѣло.

РЕВЕ. Я увѣренъ, что вы ошибаетесь и все прекрасно устроится.

РОНКУРЬ. Дай Богъ! Но вотъ уже несколько лѣтъ судьба такъ жестоко преглѣдываетъ меня, что чувствую себя обидѣннымъ, и сошлываюсь во всемъ.

ЛАКЕЙ (докладывая). Г. Жавъ Жиро

РЕВЕ. Не вѣнчайте, мнѣ прелеко поговорить съ нимъ. (Пожошмакъ ему руку). И явля оставлю (Уходитъ).

ИЗЪЯВЛЕНІЕ IV.

РЕНЕ и ЖАВЪ.

ЖАВЪ (входя). Мос почтеніе, г. де Шарра. А гдѣ же г. де Ронкуръ?

РЕВЕ. Онъ сейчасъ былъ здѣсь и скоро придетъ.

ЖАВЪ. А г. Дюрье?

РЕВЕ. Я не шдѣлъ его.

ЖАВЪ. Онъ захопалъ во мнѣ сегодня утромъ, но меня не было дома. Болелъ встрѣтиться съ нимъ вѣдь, вѣдь я просто бѣгаю отъ него.

РЕВЕ. Уж!

ЖАВЪ. Да, быть должнымъ г. Дюрье, ужасно! Онъ меня не

вспоминаетъ, всюду слѣдуетъ за мной какъ тѣнь. А вы напротивъ, почти пританисъ отъ меня, но зато я слышаю много объ вездѣ.

РЕВЕ. Отъ кого?

ЖАВЪ. Отъ вашей курины. Ей очень хочется, чтобы вы разбогатали.

РЕВЕ. Надѣюсь достигъ того.

ЖАВЪ. Но предпринимаете ли вы какую-нибудь спекуляцію?

РЕВЕ. Нѣтъ!

ЖАВЪ. А то помните, я предлагаю вамъ обратиться ко мнѣ въ случаѣ необходимости.

РЕВЕ. Благодарю! И не желалъ бы пользоваться въ такого рода дѣла.

ЖАВЪ. Какимъ же образомъ вы думаете разбогаты?

РЕВЕ. Я вовсе не хочу разбогаты, а только немного увеличить свои доходы.

ЖАВЪ. Какъ же вы это сдѣлаете?

РЕВЕ. Я постараюсь употребить съ пользою дѣшвыя мнѣ Богомъ чужество, разумъ и честность.

ЖАВЪ. А! это другое дѣло; а знаете ли, какъ выиче цѣнятся способности дѣшвыя Богомъ. Мужество пришесть одлу су въ день, если вы пойдете въ солдаты, разумъ—это франковъ въ мѣсяцъ, если будете прикащикомъ, а честности—3 тысячи франковъ въ годъ, если сдѣлаете наспроятъ. Есть вѣрное средство разбогаты варагъ; надобно, напримеръ, чтобы вамъ пришла въ голову какая-нибудь гениальная мысль, какъ тому господамъ, который шродожили трихъ лѣтъ скупалью угодья у широкешихъ булочниковъ за два су. пралавѣ ихъ за три и нажить такимъ образомъ 500 тысячъ франковъ. Предумайте что-нибудь подобное и будете богаты. Правда, такіе мысли приходятъ только козьямъ, которые въ старости лѣтъ и пшюшевыхъ сапогахъ прогуливаются вечеромъ по улицамъ Парижа, посматривая, не найдутъ ли на цосовой 10 су,—вѣдь я все это испытывалъ; но конечно два другие, вы только не доволно богаты; но какъ человѣкъ свѣтскій, вы можете разбогаты по примѣру многихъ влѣтчихъ людей. Желаете на дочери какого-нибудь торговца, миллионера, или насочецъ...

РЕВЕ. Довольно, г. Жиро. Ваша теорія лов еаж много прелстъ вамъ. Вмѣсто того, чтобы стараться нажить деньги собственноручно для денегъ, постараюсь обзавестись ст. людьми, какъ напримеръ г. де Каюла, в подобно ему приобрѣтаетъ деньги съ благородной цѣлю. Вы уже довольно богаты, вамъ теперь нужно стараться выиграть хоршее шѣвие о собѣ, вѣдь у насъ много враговъ, удѣряю васъ.

ЖАВЪ. Знаю и горжусь тѣмъ. Только у однихъ бѣншвовъ и у глѣцовъ нѣтъ враговъ. Идѣ все мнѣ завидуютъ, бѣсѣтся, что я такъ скоро проложилъ собѣ дорогу. А развѣ я дурно употреблено свое богатство. шпринцирты, сбрасоюсь жениться и предлагаю все что полюбъ дѣшвыя де Ронкуръ. Другой бы не сдѣлалъ этого на моемъ мѣстѣ, а мнѣ прелестно много споритъ съ своимъ семействомъ.

РЕВЕ. Г. Жиро, позвольте мнѣ вамъ совѣтъ. Я увѣжденъ, что вы добры, все что осуждаютъ въ васъ, я отношю къ нашему прежнему воспитанію, къ бѣдности, къ прелестнымъ, которая вамъ встрѣчалась на пути жизни; выа вѣсь давно, шршщимо въ васъ некресне участие и жельть бы обратитъ васъ на другую дорогу. Вы хотите жениться на вѣншвой дѣвушкѣ—назѣреніе дозволено, если оно безкорыстно.

ЖАВЪ. А что же вы подорываете?

РЕВЕ. Вы женитесь по любви на дѣвщцѣ де Ронкуръ?

ЖАВЪ. Конечно..

